

Министерство образования Российской Федерации
Байкальский государственный университет экономики и права

Л. Н. Сеницына

ПРИНЦИПЫ ГЕРМЕНЕВТИКИ В СОЦИОЛОГИИ

Учебное пособие

Иркутск Издательство БГУЭП 2003

Подготовлено при финансовом содействии Национального фонда подготовки кадров в рамках его Программы поддержки академических инициатив в области социально-экономических наук

Рецензенты д-р филос. наук, проф. В.Е. Осипов (Иркутский государственный университет путей сообщения) д-р филос. наук, проф. А.Д. Сирин (Иркутский государственный технический университет)

Научный редактор д-р филос. наук, проф. Н.С. Коноплев
(Иркутский государственный университет)

Сеницына Л. Н. Принципы герменевтики в социологии: Учеб. Пособие. — Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2003. - 128 с.
ISBN 5-7253-0817-0

Данное пособие предназначено для тех, кто, изучая социологию, постигает глубинный смысл процессов, происходящих в природе, обществе, а также во времени и пространстве собственного бытия. Оно для тех, кто хотел бы привести в порядок свою обычную жизнь, разобраться в своих взаимоотношениях с окружающим миром, создать собственную систему объективных критериев наблюдения и оценки ситуации.

На основе анализа различных состояний культуры, образования, методов преподавания социологии, а также обращаясь к философской, научной, художественной, религиозной и эзотерической литературе, автор делает вывод о необходимости использования принципов герменевтики как в социологическом познании, так и в понимании мира в целом. Учебное пособие структурировано с учетом принципа герменевтического круга: в каждом разделе текста представлено целостное видение предмета.

Книга адресована каждому, кто, начиная изучать социологию, уже приобщен к философии и находится на пути самопознания.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.

Введение

1. Социологические ориентиры в современном образовании
 - 1.1. Особенности образования в реальности современной эпохи
 - 1.2. Социология и социокультурная парадигма
2. Герменевтика как социокультурный феномен
 - 2.1. Культура и герменевтика
 - 2.2. Проблема понимания и социологическая рефлексия
3. Социологическая рефлексия и герменевтическая социология

3.1. Горизонты социологической рефлексии

3.2. Структура социологической теории в герменевтическом измерении

Заключение

Список использованной и рекомендуемой литературы

Терминологический словарь

ПРЕДИСЛОВИЕ

Основная цель данного учебного пособия — показать возможность и необходимость использования принципов герменевтики при изучении и практическом применении социологической теории.

Автор рассматривает взаимосвязь и соотношение культуры, образования, социологии и герменевтики. С учетом того, что принципы герменевтики имеют методологическую направленность, понимание и применение их при изучении других дисциплин может способствовать более глубокому усвоению предлагаемого материала.

Проблемы, рассмотренные в пособии, неоднократно обсуждались в течение последних трех лет на методологических семинарах, международных конференциях, в студенческих аудиториях.

Значительная часть положений проверена автором на практике и соотнесена с теми теоретическими и методологическими постулатами, которые признаны в современной науке. Вместе с тем автор не претендует на истину в последней инстанции. Предложенный текст открыт для интерпретации. Каждый в своей практике может применять наряду с содержанием данного учебного пособия тесты, тренинги, решение задач, различные способы верификации рефлексивных состояний.

ВВЕДЕНИЕ

Социология - одна из дисциплин, обладающих универсальным методом познания. Она дает ключ к пониманию многих событий, происходящих на планете, во Вселенной, в общественном сознании, а также в пространстве и времени индивидуального бытия каждой отдельной личности. Новое время диктует новые принципы и парадигмы мировосприятия, поэтому важно учитывать, что все события, как доступные нашему пониманию, так и скрытые от него, имеют социальный резонанс и приобретают системное социальное качество.

Каждый работник, а также руководитель любого ранга практически всех профессиональных сфер — экономической, экологической, управленческой, научной, культурной, социальной и др. — включен в систему общественных связей и отношений, что создает необходимость постоянной корреляции его собственной профессиональной деятельности с конкретными условиями ее осуществления.

Сложность и уникальность социальной реальности не обнаруживается при поверхностном и даже ортодоксально-научном подходе: современный уровень развития социологии требует формирования новых парадигм, ориентирующих наряду с глубоким усвоением теоретических знаний и на их практическую реализацию, осознание смысложизненных ситуаций. Необходимо понимание гуманистической, человекотворческой функции социологии как кардинальной в развитии и сохранении универсальной целостности человека в единстве материальной и духовной сфер. Этому в значительной степени способствует герменевтика.

Актуальность проблемы исследования принципов герменевтики в процессе освоения курса социологической теории обусловлена наличием кризисных состояний в различных сферах общества, в том числе и в системе образования.

Современная эпоха с постоянно возрастающим количеством информации, с ускорением технологических процессов, с качественным изменением социального времени насыщена герменевтическими ситуациями. В сущности, герменевтическая ситуация — это ситуация непонимания. К таковым относятся парадоксальные ситуации (парадокс: от греч. *paradoxes* — неожиданный, странный), а также и те, которые складываются при современном теоретизированном мышлении, когда субъект не знает о том, что он не понимает познанного: знание блокирует понимание. Герменевтической представляется и ситуация, в которой обозначены горизонты непонимания.

С возрастанием количества информации появляется необходимость переводить ее на новые уровни осмысления: от абстрактно-теоретического, рационального (в современном понимании) к гуманистическому (познание в соответствии с нравственными критериями, познание сердцем) и, как более глубокое освоение реальности, к эстетическому (по законам красоты и вселенской гармонии). Без понимания, осмысления теоретического базового знания в этом ключе в современном образовании, как и в системе социальных отношений, а также в отношениях общества и природы, усиливаются критические состояния.

Герменевтика, как древняя наука о понимании, в процессе развития расширяет свой предмет, усложняются ее методы. В то же время ее основные принципы используются на разных уровнях освоения реальности — на логическом, интуитивном, практическом. Одним из таковых является принцип герменевтического круга с широким диапазоном его интерпретаций.

Часть понимается только вместе с целым. Смысл целого выясняется относительно его частей; отдельное произведение — это «текст» как часть целого (эпохи, культуры, творчества автора, жанра и т.д.); к концу произведения мы иначе понимаем начало.

С принципом герменевтического круга связан принцип контекстуального подхода (с учетом знаков и символики контекста), а также принцип конгенитальности, т.е. соразмерности творческих потенциалов исследователя и создателя (очень существенный и многофункциональный принцип. У Августина — это тождество «боговдохновенности автора» и «бого-вдохновенности читателя»).

Принцип открытости, незавершенности интерпретаций особенно важен в социологическом познании.

Также весьма значимым считается принцип, в котором учитывается неотделимость понимания текста от самопонимания интерпретатора, что мы представили в виде саморефлексии и социологической рефлексии. Важно иметь в виду, что текст саморефлексивен, т.е. познавательная активность читателя обнаруживает посредством текста его духовный мир. Этот принцип мы взяли за основу, рассматривая преподавание социологии как процесс освоения текста, в котором происходит самореализация субъекта, гармонизация его внутреннего и внешнего миров.

Объектом социологического познания выступает «культурный мир», поэтому социология и герменевтика рассматриваются в культурологическом аспекте.

В качестве герменевтического принципа мы используем и учение Ф. Шлейермахера: понять автора лучше, чем он сам себя понимал. При этом важно учитывать, что акт понимания — это род бытия. Понимание неотделимо от человеческого общения.

Существенной задачей практической социологии является исследование возможностей создания универсальных взаимоотношений, осмысление их

субъективной интерпретации, доказуемого и ощущаемого единства и взаимопонимания людей.

В процессе освоения социологии человек должен научиться оценивать переживаемый им опыт собственного бытия, акцентировать внимание на развитии способностей к самовыражению, самоопределению, самоуправлению. Познание собственной индивидуальности неизменно рождает интегративные качества, чувство единения.

Важной задачей при изучении социологии является понимание каждой изучаемой темы как части целого курса.

Интерпретация есть постижение внутреннего смысла текста, логики его развития, раскрытие заключенного в нем социокультурного смысла.

Задача герменевтики — это не репродукция прежних смыслов, а производство всевозможных новых. Факты текстов при таком подходе воспринимаются как бесконечно пластичный материал, в котором скрывается неисчерпаемый клад интерпретационных возможностей. От субъекта при этом требуется максимум инициативы.

Герменевтика имеет мощный методологический и эвристический потенциал. Она позволяет развивать новые, нестандартные подходы, стимулирующие решение насущных задач, связанных как с повседневной реальностью, так и с проблемами выживания человеческого рода.

Пересмотр понятийного аппарата науки в аспекте герменевтической интерпретации ведет к диалогу человека с человеком, способствуя не разрыву герменевтического круга, а вхождению в гармонию. Противоречия, раздробленность и разобщенность современного мира создают ситуацию утраты понимания. Такая ситуация называется герменевтической.

Поиск основ понимания должен стать главным направлением деятельности в сотворении («сотворении») мира. Принципы герменевтики при этом могут успешно использоваться в качестве ведущей парадигмы современного образования.

1. СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ

1.1. Особенности образования в реальности современной эпохи

Проблемы образования актуальны во все времена, ибо они как в фокусе преломляют и отражают уровень развития общества, его материальную и духовную сферы. Образование органично связано с самосознанием человека и общества в целом, с формированием у субъекта образа мира и себя в этом мире. Это процесс и результат передачи и освоения информационной культуры общества, включающей в себя наряду с различными способами постижения реальности формирование ценностных ориентации. Образование является необходимым условием подготовки человека к самоактуализации в полноценной общественной жизни. В лексиконе субъектов, формирующих современный образ мира, активно используются такие категории, как «цивилизация» и «глобализация».

Боясь, как бы не отстать от цивилизованных стран в погоне за приоритетами, люди порой не задумываются о тех глобальных последствиях, которые закономерно происходят, когда нарушен баланс в соотношении общечеловеческих принципов. Человек принадлежит к двум мирам — материальному или, по образному выражению русского философа С.М. Булгакова, «тварному» миру и миру духовному. Духовный — это мир культуры. «Тварный» — мир цивилизации, мир гражданского общества с его промышленностью, технологиями, определенным способом бытия.

Человек активно включен в этот мир, проходит различные ступени социализации, обретает новые статусы, выполняет соответствующие роли. Это всегда показательно, четко фиксируется процесс, выделяются победители и побежденные.

Парадоксальным вместе с тем является то, что ключевые понятия «культура» и «цивилизация» употребляются нередко как синонимы. В условиях сотен определений культуры и отсутствия интегрального предмета культурологии в обыденном сознании под видом культурного формируется стереотипный образ цивилизованного человека.

Культура (от лат. — возделывание, воспитание) есть главный признак человеческого, мера и способ реализации сущностных сил субъекта, она духовна и проявляется (при условии, если не нарушен баланс общечеловеческих принципов соотношения материальных и духовных ценностей) во всех сферах — в экономической, экологической, социологической, научной, а также художественной, управленческой и т.д., что позволяет рассматривать каждую из этих сфер не только в цивилизационном, но и в культурологическом аспектах.

Известно, что слово «цивилизация» появилось во французском языке в XVIII в. и употреблялось для обозначения стадии общественного развития, противоположной «варварству». Французские просветители называли цивилизацией общество, основанное на разуме и справедливости.

Со времени возникновения и до наших дней в содержание этого понятия вкладывались различные смыслы. Анализ определений дает основание сделать вывод о качественном различии между понятиями цивилизации и культуры. Об этом писал в свое время И. Кант, а О. Шпенглер, представляя цивилизацию как совокупность технико-механических элементов, противопоставлял ее культуре как царству органически-жизненного основания [112].

Таким образом, многие исследователи рассматривают цивилизацию как внешний по отношению к человеку мир. Культура же интерпретируется как символ внутреннего достижения, как «духовный код жизнедеятельности».

Образование, будучи ориентированным на маяки современной цивилизации, вместе с тем включено в пространство конкретной культуры с ее традициями, особенностями и ее своеобразной интерпретацией ключевых понятий, которыми оперируют сегодня идеологи, политики — все, кто так или иначе влияет на этот процесс. Такие понятия, как «гуманизм», «свобода», без которых немыслима современная цивилизация, имеют не только многозначную интерпретацию, но и представляют собой методологические принципы, а также символы, под «флагом» которых совершаются иногда диаметрально противоположные действия.

Знаменем времени на рубеже столетий и тысячелетий стали процессы глобализации. Понятие «глобальный» (от лат. globus — шар; от фр. global — всеобщий, всеобъемлющий) историческое и, в определенной степени, соответствует исконно русскому духу соборности. Не случайно русские философы утверждали идеи космизма, всеединства. К тому же русский космизм был глубоко гуманистичным в своей основе. Естествоиспытатели К.Э. Циолковский, А.Л. Чижевский, Н.А. Умов были озабочены проблемами формирования у людей чувства мировой гармонии, они писали о глобальном объединении усилий всего человечества на основе нравственных принципов. Идеи космического сознания перекликаются с евразийским учением о культуре. Это учение представляется достоянием отечественной социально-философской и научной мысли, оказавшим огромное влияние на утверждение новой парадигмы миропонимания.

Представители евразийского общества, заявившего о себе в 1921 г., определяют культуру России как срединную, которая не сводима ни к европейской, ни к одной из азиатских культур. «Мы чтим прошлое и настоящее западноевропейской культуры, — писал Н.С. Трубецкой в предисловии к сборнику «Исход к Востоку», — но не ее

мы видим в будущем... Мы не сомневаемся, что смена западноевропейскому миру придет с Востока... Мы совмещаем славянофильское ощущение мировой значительности русской национальной стихии с западничеством чувством относительно культурной примитивности России в области экономической и стремлением устранить эту примитивность» [92. С.312-313].

В свое время Н.Я. Данилевский в работе «Россия и Европа» четко обозначил мысль о недопустимости осуществления на земле «единой общечеловеческой цивилизации». «Всемирное владычество, — писал он, — должно, следовательно, страшить не столько своими политическими последствиями, сколько культурными. Не в том дело, чтобы не было всемирного государства, республики или монархии, а в том, чтобы не было господства единой цивилизации, одной культуры, ибо это лишило бы человеческий род одного из необходимейших условий успеха и совершенствования — элемента разнообразия» [32. С. 426].

Следует отметить, что концепция современного образования методологически связана с проблемой человека. Вместе с тем образование — это процесс приобщения к культуре. Российская культура имеет ярко выраженную специфику. Такие особенности, как целостность, синкретичность, соборность, не всегда выдерживают прагматический, экономико-центрический напор цивилизации. У Н.О. Лосского, русского философа, есть мысль о том, что только собрав в единое целое все духовные силы — чувственный опыт, рациональное мышление, «эстетическую перцепцию», нравственный опыт и религиозное созерцание — человек начинает понимать истинное бытие мира и постигает сверхрациональные истины о Боге. Истина не может открыться сознанию, в котором гипертрофирована лишь одна способность. Она закрыта для рационалиста, моралиста, эстетствующего художника, религиозного фанатика, обывателя, который руководствуется здравым смыслом. Всякая односторонность в познании и жизни, по мнению Лосского, есть грех, ограничивающий доступ к Истине, которая открывается только соборному сознанию [69].

Таким образом, в концепцию образования необходимо включать поиск путей достижения истинного бытия мира. Актуальной сферой социального бытия является современный процесс глобализации, и нам следует четко различать его подлинный аспект, представленный гуманистической классикой, и современный, утверждающий «конец истории», столкновение цивилизаций, монополию «золотого миллиарда». Такой глобализм претендует на статус социокультурной и политической доктрины, что проявляется в геополитических притязаниях великих держав и геополитической стратегии транснациональных корпораций.

Образование, ориентированное на подобный аспект, теряет целостность, и весьма актуальной становится проблема его «выживания». Мир культуры, вне которого образование немислимо, не дается человеку практически, в явной предметности. Он требует немалых духовных усилий, глубокого понимания и постижения идей и смыслов.

Русский философ, юрист И.А. Ильин в своей работе «Философия права» писал о том, что мировые войны, социальные потрясения происходят там, где проявляется незрелость или вырождение духовной культуры. К сущности человеческого духа автор относит дар воспринимать, преломлять, преобразовывать, направлять по-новому любое высшее воздействие. Но для того, чтобы владеть этим даром, человек должен управлять стихией собственной «неразумной и полуразумной души». «Невозможно устроить мир материи, не устроив мир души... Душа, покорная хаосу, бессильна создать космос во внешнем мире» [42. С. 76].

Космос как символ гармонии необходим для созревания «человеческого» в человеке. Сегодня гуманизация естественнонаучного и технического знания — это не столько внутренняя проблема образования, сколько насущная социальная

потребность, вызванная тяжелейшими по своим последствиям кризисными явлениями: проблемой выживания человечества в условиях постоянного совершенствования средств его уничтожения и угрозы войн, нерешенности современных глобальных проблем. Поэтому образование должно быть ориентировано на усвоение и понимание гуманитарной культуры, которая выражает меру человечности в отношениях людей друг к другу, к природе, к нормам права, политике, экономике. Именно гуманитарная культура позволяет увидеть проявление бесчеловечности в социальной жизни.

Говоря о ведущих гуманистических понятиях, автор фундаментального исследования герменевтики Х.-Г. Гадамер в числе первых назвал образование. «Понятие образования, — писал он, — помогает наиболее отчетливо ощутить, как глубока духовная эволюция, позволяющая нам все чаще чувствовать себя как бы современниками Гете и, напротив, заставляющая уже век барокко считать доисторическим временем. Наиболее значимые понятия и обороты речи, которыми мы привыкли оперировать, приняли свой облик именно в этом процессе». И далее: «Образование — подлинно историческое понятие... Общая сущность человеческого образования состоит в том, что человек делает себя во всех отношениях духовным существом. Тот, кто предается частностям, необразован... Гегель показывает, что у такого человека изначально отсутствует способность к абстрагированию; он не может отвлечься от самого себя и взглянуть на то общее, которым соразмерно и относительно определяется его особенное» [21. С. 50-51, 53-54].

Высшее образование в нашей стране претерпевает значительные изменения. Наряду с очевидными достижениями, представляющими гордость отечественной школы, все чаще обнаруживаются проблемы, которые еще вчера не казались актуальными, но сегодняшнее время обозначило их и высветило немало парадоксов. Парадокс — это состояние, кажущееся абсурдным обыденному здравому смыслу.

Бедой современной школы, как высшей, так и средней, является то, что она никак не может преодолеть тяжелую болезнь, оставленную ей в наследство просветителями XVIII в. Название этой болезни — рационализм. А точнее — его своеобразная интерпретация, прочно вошедшая в теорию и практику. На протяжении более двух веков культивируется преподавание предметов, определяющих экономическую, техническую, политическую жизнь общества.

Реалии же таковы, что сейчас мы находимся в затруднительном положении, как в притче о камне на распутье. С одной стороны, многие желают мирного, спокойного экономического развития с постоянным ростом производительности труда, совершенствованием технологий, системы распределения, возрастанием счастья потребления и при этом — духовного совершенствования. С другой стороны, в процессе активной человеческой деятельности образовалось «материальное тело цивилизации» с потрясающими воображение научными открытиями, уникальными производственными сферами, невиданной ранее информационной системой.

Создается впечатление, что человечество находится в поразительной эйфории от того, как всего за десятки тысяч лет произошел «прорыв» — изменились орудия от каменного топора до современной техники. Особенно преуспели в этом за последние столетия. Можно ли такой технологический прогресс рассматривать как фактор развития человека? Решается ли при этом главная задача — реализация человека как универсального существа?

Большинство мыслителей в истории культуры, в том числе и современных, отвечает на поставленные вопросы отрицательно. Каждый приводит в пользу такого ответа достаточно серьезные аргументы. Две тысячи лет пророки, философы, учителя и святые говорили одно и то же разными словами: «познай самого себя», «открой в себе божественное сознание», «осознай гармонию мира и себя в этом

мире — это и есть красота, которая спасет мир»...

К. Маркс в свое время писал о периодах истории, когда развитие общественного субъекта происходило за счет обеднения индивида. В качестве примера он приводил капиталистическое общество, в котором субъект теряет свободу, попадая в плен «внешней целесообразности». Начинается эпоха всеобщего отчуждения человека от мира и от собственной сущности.

Сегодня подобная человеческая сущность почти не просматривается. В современном обществе активно культивируется «свободная от идеологии» позитивистская модель. Основные принципы этой модели — объективность, эмпиризм, инструментализм. Рациональность и принцип полезности как доминанта человеческого поведения, приоритет рыночных отношений, индивидуализм и свобода конкуренции становятся культурной рефлексией. «Экономический человек» в теории предстает как универсальный субъект рынка, за которым угадывается социокультурный прототип: мужчина, рационально мыслящий, деловой, предприимчивый и т.д. В поле зрения социологов находится в основном та сторона человека, которая необходима для решения специфических задач. И все это оказывается не только тормозом в урегулировании глобальных человеческих проблем, но и благодатной почвой, на которой прорастают семена глубокого кризиса.

Несмотря на то, что все большее количество людей получает довольно высокое образование, каждый человек в отдельности все меньше ощущает себя своим в этом мире. Идет процесс отчуждения. Современное образование, в том числе и социологическое, ориентируется на научную картину, которая принимается за реальное отображение действительного мира. Данный парадокс приводит к тому, что во многих сферах нашего бытия не реализуется тот значительный потенциал, который наработан талантливыми учеными.

Известно, что научное знание представляет собой абстрактно-теоретическую модель мира. Человек, не осознающий этого, но владеющий значительным количеством научной информации, неизбежно теряет связь с миром. И происходит невероятное: чем больше люди знают, тем меньше понимают. По этому сегодня много пишут о кризисе рациональности. Рационализм и сциентизм, ориентированные на практическую сферу, традиционно предполагают и образование, в процессе которого осуществляется «вложение» в человека чего-то извне, а не «извлечение» из него.

В науке нет места человеку, что обусловлено методом самой науки: эксклюзивное мышление не допускает субъективного. Человеческому разуму, освященному научным методом, удалось настолько расчленивать мир, в котором он живет, и самого человека в том числе, что духовное оказалось отделенным от материального, разум от тела, мужское от женского, человек от природы. В этом же аспекте сегодня субъект принимается за человека, отчужденный субъект — за личность, мораль — за нравственность и т.д. Время и пространство — основные формы нашего земного бытия — интерпретируются в русле тех парадигм, которые господствовали двести лет назад! То же самое происходит и с такими фундаментальными понятиями, как часть и целое, причина и следствие.

Подобное разделение произошло на заре современной западной цивилизации, когда процесс контакта с миром оказался замороженным. Образ мира, обозначенный в системе абсолютных законов, предстал в виде удобной картины, впечатляющей, но лишенной целостности. Тем более, что реальному человеку в картине мира места не досталось. Это привело к нарушению закона гармонии — основного закона бытия во Вселенной.

Античный человек, обладающий значительно меньшими информационными возможностями, представляется гораздо гармоничнее в своем развитии, чем наш

современник. По мнению известного психолога К. Юнга, «расщепление» личности современного человека является одним из проклятий, переживаемых им. «Вне всякого сомнения, — писал он, — даже на так называемом высоком уровне цивилизации человеческое сознание еще не достигло приемлемой степени целостности. Оно все так же уязвимо и подвержено фрагментации» [116. С. 29].

Как считает израильский философ М. Бубер, в истории есть «эпохи обустроенности» и «эпохи бездомности». В эпоху обустроенности человек чувствует себя органичной частью космоса — как в обжитом доме. В эпоху бездомности человеку трудно найти уютное место в мире, возникает чувство неприкаянности, сиротства и одиночества [15. С. 164, 167, 177].

Научная монополия в общечеловеческом знании ставит много проблем. Возведенное в ранг властелина человеческого духа и деятельности, научное познание стало распространять собственные, только ему присущие, нормы и стандарты на все сферы бытия и сознания. Но то, что работает в науке, не всегда приживается в культуре в целом. И, тем более, в индивидуально-практической деятельности. Проявляются парадоксы отторжения человека от реального мира: его «бездомность», но главное — неспособность понимания истинной ситуации.

Время и пространство нашего бытия сегодня уже качественно изменились. Преподавателя высшей школы, вступающего в третье тысячелетие, это ко многому обязывает. Так, пустыню в душе студента может оставить преподаватель, обучающий основам конкретной дисциплины, но в отрыве от культурологического аспекта. Знания, накопленные человечеством, представляют великую ценность. Задача преподавателя — помочь ученику увидеть и понять ее культурологический смысл.

Очевидно, что реальной базой образования является научное познание. При этом образование есть одно из слагаемых культуры личности. Наряду с обучением и воспитанием. Образованный — это знающий и понимающий человек. Обученный — умеющий, владеющий информацией и технологиями. Воспитанный — это ценностноориентированный, а в общем плане — культурный человек, в связи с чем воспитание представляет собой процесс привития культуры.

Учитывая, что наука является элементом культуры, можно утверждать, что образование — это процесс приобщения к культуре, как к информационной сфере, так и к основам нравственного понимания. Для обретения «целостности» в миропонимании важно постижение информации сердцем. Именно «усердие», «сердечное понимание» формирует человека, равнодушного к смысложизненным проблемам. Знание, освоенное умом, сердцем и воспринятое во взаимосвязи с гармонией мира, создает возможность самореализации субъекта как универсума, включенного в систему социальных связей и отношений.

Важно также и понимание того, что человек, сотворенный «по подобию», должен соответствовать и «образу». С этой целью он включается в образовательный процесс, который направлен не на приспособление человека к меняющимся условиям цивилизации, а на то, чтобы он смог идти «против течения» современной цивилизации, сумел выдержать ее колоссальный напор, стремящийся уничтожить в нем человека.

Еще раз отметим, что сегодня мы участвуем в великом парадоксе: чем больше знаем, тем меньше понимаем. Не только ту реальность, в которой живем, но и самих себя. Не случайно в настоящее время актуальной представляется герменевтика — наука о понимании. Известно, что наука понимать и искусство понимать — не одно и то же. Аналогичны этому различия между наукой и искусством управлять. Наука предполагает освоение теоретической и практической сфер, искусство же связано с постижением особых тонкостей, не подвластных науке, с инклюзивным восприятием предмета, что дает возможность оптимально использовать основы научного

познания с учетом индивидуальных особенностей человека.

Одна из проблем современного образования — проблема трансформации ценностей. Повторим, что культурный — это ценностноориентированный человек. Сегодня мы должны понимать, что в процессе преподавания именно нравственным действием считается способность видеть и оценивать в каждом ученике не только то, как он заучивает рекомендованное, но и почему он его игнорирует. «Ибо твердое знание, — по словам русского философа Л. Шестова, — есть условие несовершенства восприятия». Только слабому, неокрепшему духу нужны «даваемые привычкой прочность и устои» [111. С. 119].

Образование, направленное на сферу создания и реализации базовых материальных ценностей общества, именно в гуманистическом аспекте может быть представлено как культурологическая ценность, способствующая сохранению мира и человека в этом мире. Культурологический подход требует, чтобы человек, познавая мир, открывал в нем себя. Таков путь формирования ценностной ориентации и обретения целостности, путь преодоления той самой «бездомности», о которой писал М. Бубер. И путь разрешения тех парадоксов, которые сегодня так очевидны. По мнению Бубера, необходимо диалогическое существование человека с человеком, овладение искусством и наукой жить среди других.

Эпоха, к которой мы сегодня подошли, стоит перед необходимостью решения именно этих проблем: создание основ человеческого общения и взаимопонимания, а также урегулирование проблем самореализации человека, обретения гармонии с миром в целом и миром собственной души. Для этого весь процесс образования должен опираться на единую концепцию, основанную на целостном восприятии мира. Нужно также иметь в виду, что зерно важно посеять в подготовленную почву: неоткрытое сознание глухо к восприятию.

В герменевтике есть универсальный принцип конгениальности. В дальнейшем мы рассмотрим его суть, но предварительно, исходя из него, заметим, что личность с расщепленным сознанием вряд ли постигнет гармонию мира. Следует готовить человека к пониманию и в образовательном процессе открывать более глубокие смыслы, выходящие за пределы рациональных понятий, а также формальной, эмоционально не насыщенной вербальности. Такой подход не заключает сознание в клетку, освобождая пространство для ощущений. И только в этом случае можно надеяться на понимание, например, мудрых слов Дж. Бруно о том, что Вселенная находится в процессе постоянного развития, но как целое она уже обладает этим развитием.

Следует обратить внимание на то, что органическая целостность не аддитивна, т.е. не складывается из частей, а формируется из основания, из единого корня. Она реально не может быть представлена одной наукой: научная картина мира в полной мере не соответствует действительности. Поэтому сегодня актуальны дискуссии о том, с какой степенью достоверности отражается реальность в науке, в искусстве, в религии, в философии, в эзотерическом знании.

Постижение реальности — гораздо более глубокий и сложный процесс, чем передача и истолкование научной информации. Он связан с пониманием как «усмотрением внутренних связей органического целого». В реальности современной эпохи все законы, в том числе экономические и социологические, необходимо переводить на новый уровень осмысления. В противном случае начнется регресс. Надежды на «междисциплинарные» исследования познающего и понимающего человека, «интеграцию научных знаний о человеке» и т.д. не могут привести к созданию органического основания.

Социология — одна из дисциплин, обладающих универсальной возможностью использовать ключ к пониманию многих событий, происходящих на планете, во Вселенной, в общественном сознании, а также в пространстве и времени

индивидуального бытия каждой отдельной личности. Отмечая это, важно учитывать, что все события, как доступные нашему пониманию, так и скрытые от него, имеют социальный резонанс и приобретают системное социальное качество, изучаемое социологией. Последняя значительно сложнее, чем собственно «наука», поскольку качественным аспектом в ее предмете является «социальное», которое предстает прежде всего в социокультурной форме, аккумулирующей все виды и способы отражения объективной и субъективной реальности.

Культурологический аспект в социологической теории, а также в практическом использовании социологического знания позволяет найти ключ к пониманию «вечного сейчас», где прошедшее и будущее представлены в актуальном настоящем.

Умение видеть целостность пространственно-временного континуума — одна из задач, которые ставятся при изучении социологических проблем. Решение ее может способствовать формированию социологического воображения, о котором пишет современный польский социолог П. Штомпка. Используя термин «властвующая элита», идентичный названию работы Ч. Миллса, П. Штомпка отмечает, что «социологическое воображение — это вытекающая из признания разнообразия и множественности социальных установлений способность связать любое событие в обществе со структурным, культурным и историческим контекстами, а также с индивидуальными и коллективными действиями членов общества» [113. С. 149]. И далее автор анализирует теоретические ресурсы, говоря о плюрализме, терпимости к различным версиям, и выделяет четыре типа теорий и теоретической деятельности. К таковым он относит объяснительную, эвристическую, аналитическую и экзегетическую теории.

Последнюю Штомпка связывает с анализом, толкованием, систематизацией, реконструкцией и критикой существующих направлений и особо не рекомендует студентам, считая, что наиболее важными, значимыми для социологического воображения являются объяснительная и эвристическая теории. Они образуют мозаику теоретических объяснений и ориентации. И здесь, по мнению автора, вполне применим мертоновский принцип «дисциплинарного эклектизма», используя который можно получить обобщенное знание о мире, опираясь на разные, иногда соперничающие точки зрения. Следует согласиться с тем, что «изучение и преподавание социологической теории должно быть ориентировано на связи между теориями и междисциплинарные взаимодействия, а не на традиционные разделения» [113. С. 157].

Такой подход созвучен требованиям современной эпохи. Развитие и ускорение информационно-технологических процессов побуждает в системе образования наряду с передачей общекультурного опыта, которую называют трансляцией культуры, особо выделить культуротворческую функцию. Она может быть реализована при конструировании социологической теории, при ее освоении и практическом применении.

Известно, что социология, оформляясь в науку, анализировала в первую очередь культурные закономерности развития общества. О. Конт, обращая внимание на то, что общество — это прежде всего общность духа, общественный прогресс отождествлял с прогрессом форм человеческого познания мира или прогрессом человеческого разума. В контовском «законе трех стадий» каждому этапу развития разума соответствуют определенные формы организации хозяйства, политики, общества. В системе О. Конта просматриваются две тенденции: одна — объективистская, с идеей прогресса социального познания, разделяющая культуру и общество; другая — культурно-аналитическая. Такой аспект исследует Л.Г. Ионин, используя понятие репрезентативной культуры [43. С. 42-75].

Культура, по мнению немецкого философа Ф. Тенбрука, репрезентативна, т.е.

производит идеи, значения, ценности, которые действенны в силу их фактического признания. Они так или иначе влияют на социальное поведение.

Л.Г. Ионин на примере трудов М. Вебера, Г. Зиммеля, Э. Дюркгейма, Дж. Мида, А. Шюца и др. в аспекте культурного анализа показывает конструирование социологических теорий и их применение в исследовании социальных процессов. При этом он отмечает, что «социология как культурный анализ оказывается шире и масштабнее, чем объективистская, натуралистическая социология, ибо она включает в себя не только объективное изучение социальных явлений и процессов, но и изучение предпосылок и условий этой объективности. При этом она возникает и продолжает существовать как наука о культуре» [43. С. 75].

1.2. Социология и социокультурная парадигма

XXI век обозначился как время осмысления, переоценки ценностей и приоритетов, век интеграции всей человеческой культуры. Научная деятельность, ставшая ее символом, пронизывает все сферы человеческого бытия и сознания. Это обуславливает необходимость понимания того, что именно она является объектом моральной оценки.

Сегодня очевидным становится то, что знание — сила не только созидаящая, но и разрушающая. Наука же, по словам А. Швейцера, лауреата Нобелевской премии мира, отрываясь от культуры и нравственности, оставляет пустыню. Признаки этой пустыни мы наблюдаем в природе, обществе, в межличностных отношениях и в душах людей, что диктует необходимость качественно нового миропонимания и кардинального переосмысления образовательных парадигм.

Особое место в структуре научного знания занимает социология. В соответствии с эталонами науки социология представляет собой систему, образованную теоретическим, эмпирическим и операционным базисами. Такая система включает в себя совокупность идей, концептуальных схем, множество опытных данных, индуктивных законов, а также набор экспериментальных процедур, методов, способов верификации.

Традиционная социология как наука в своей основе содержит принцип объективности, но, в зависимости от парадигмы, принимаемой исследователем, каждое из кардинальных понятий предопределяет множество последствий: возникают различные интерпретации одних и тех же событий.

Первая парадигма была обозначена классической социологией в середине XIX в. В основу ее был положен принцип объективности и независимости объекта от субъекта, что соответствовало методам естественных наук. Такой подход считался оптимальным, проверенным в различных науках и был подтвержден на практике. Некоторые направления современной социологической мысли по-прежнему используют названный принцип с различными долями основания в западной, американской и русской школах.

Приоритет научного метода требует признания научным сообществом в силу его обоснованности через систему принятых методологических допущений. Науку, по мнению К. Поппера, характеризуют методы, а не результаты. История науки — это не столько история открытий, сколько история развития научного метода. Социология в этом плане отличается от классической науки уже тем, что объект исследования (общество, социальные процессы) существует в историческом времени, а его законы никогда не повторяются с абсолютной достоверностью.

Другое направление, в котором можно увидеть парадигму, обозначилось в эпоху «модерн». Внимание акцентировалось на познающем субъекте с его интеллектом, культурой, особенностями сознания. В объекте же активно выделялись субъективные смыслы, интересы, исследовались субъект-объектные отношения. В

это время появились многообразные социологические теории, такие как символический интеракционизм (Дж. Мид, Г. Блумер, И. Гофман, Д. Льюис и др.), социальная феноменология (А. Шюц, П. Бергер, Т. Лукманн). В противоположность структурному функционализму утверждалась точка зрения, согласно которой человек живет в мире значимых объектов, где сами значения возникают в процессе социального взаимодействия.

Различные модификации теории осуществлялись в рамках «структура-процесс», чему соответствует дихотомия «объяснение-понимание». Г. Блумер, например, в русле этой парадигмы определял социологию как науку о человеческом общении, о процессах интерпретации.

Следует отметить, что методы символического интеракционизма, рефлексивной социологии Э. Гоулднера, понимающей феноменологической социологии А. Шюца и Э. Гуссерля обозначили подход к третьей парадигме, сформировавшейся в условиях общества «постмодерн». При этом была сделана попытка уйти от крайностей, найти нечто среднее.

При многообразии различных подходов каждая из теорий основывается на собственной системе базовых допущений. Так, в современной методологии определяют ее идеальные типы — классический, неоклассический, постнеоклассический [35. С. 496-497]. В отличие от первого, где исследователь представлен в качестве «отстраненного наблюдателя», в неоклассическом типе видение социальной реальности обусловлено не только спецификой используемых исследовательских инструментов, но и совмещением нескольких перспектив: интеллектуального согласия, рефлексии средств и методов познания и т.д.

Так называемая постнеоклассическая методология социального познания, которую можно определить как третью парадигму, формируется во второй половине XX в. Стирается жесткая грань между объектом и субъектом познания. Процесс познания предстает одновременно и как процесс конструирования реальности. Такой подход, определяемый некоторыми исследователями как «постмодерн» (В.Н. Лупанов и др.), и представляет собой попытку уйти от крайностей. Это значит, что оптимальный подход к построению единой социологической теории возможен на основе знания, раскрывающего специфику социальных процессов в органической взаимосвязи с универсальной целостностью человеческого бытия и сознания.

П. Сорокин, говоря о сущности и значении предмета, отмечал, что «задачи социологии и общественных наук в целом начинаются там, где заканчивается изучение человека физикой и биологией». Анализируя особенности социологии в системе общественных наук, Сорокин называл ее генерализирующей наукой. «... Социология изучает свойства надорганики, которые повторяются во времени и пространстве, то есть являются общими для всех социокультурных феноменов (общая социология) или для всех видов данного класса социокультурных явлений (специальная социология)» [103. С. 157, 161].

Человек же «*homo socius* рассматривается как родовой и многогранный *homo*, одновременно и нераздельно экономический, политический, религиозный, этический, художественный, частью рациональный и утилитарный, частью нерациональный и даже иррациональный и при всем при этом отличающийся непрерывным взаимодействием всех этих аспектов... В этом смысле социология изучает человека и социокультурное пространство такими, какие они есть на самом деле, во всем их разнообразии, как подлинные сущности, в отличие от других наук, которые в целях аналитики рассматривают явления, искусственно выделяя их и полностью изолируя от остальных» [103. С. 162-163].

П. Сорокин, отмечая особенности социологического метода, рассматривает теории причины самоубийств в соотношении с историческими социокультурными состояниями. Такой пример позволяет увидеть преимущество социологического

знания, включающего диалектику единичного, общего и особенного, а также соотношение части и целого.

С началом XX столетия открываются новые возможности:

реальный мир, представленный квантовой механикой, теорией относительности, подтверждает необходимость возникновения новых исследовательских парадигм. Одной из них, наметившей перспективы в изучении природы и общества, является принадлежность науки к культуре, к ее традициям и ее проблемам.

Эффективность познания и понимания мира связана не только с методами и технологией данного процесса, но и с тем, насколько субъект познания осознает степень собственной причастности к исследуемому объекту. Это относится к процессу познания и природы, и общества. Стандарты понимания субъектом как содержания предмета науки, так и объекта познания должны быть соотнесены с их культурно-историческим основанием.

Традиционные принципы верификации требуют того, чтобы субъект познания абстрагировался от объекта. Это является своеобразной болезнью нашего времени и представлено в форме эксклюзивного мышления не только в сфере естественных наук, но и в социальном познании. Думается, что для решения многих проблем, в том числе и методологических проблем социологии, больше подходит инклюзивное мышление. Оно предполагает, что «Я» находится в объекте. Существует мир объектов и мир значений. Один и тот же объект для разных людей может иметь разное значение. Мир значений — тоже реальность.

Социология исследует реальность сквозь призму собственных категорий. Результаты познания отображены в виде фактов. Историческая реальность как объект исследования существует в онтологической связи с субъектом исторического действия и может восприниматься как мир значений этого субъекта. Поэтому любое событие, имевшее место в истории, является организованным миром культуры субъекта. Подобный подход просматривается в различных направлениях понимающей социологии (символический интеракционизм, этнометодология, социологическая герменевтика). Кроме того, любое историческое событие для исследователя является как бы рождающимся в контексте современной культуры и представлено как «со-бытие», т.е. совместное бытие с исследователем.

Характерная особенность современной культуры состоит в возрождении герменевтических принципов. Социальный факт в русле герменевтической концепции рассматривается в качестве элемента общественной жизни и представляет собой производное от уровня и типа самосознания, свойственного субъекту данной культуры. Социология, будучи элементом культуры, каждый акт интерпретации события фиксирует как момент его «действенной истории», как диалог прошлого и настоящего. Чистая же наука о фактах слишком абстрактна в своей конкретности и, по мнению немецкого философа-феноменолога Э. Гуссерля, превращает человека в голый факт.

Считается, что каждое поколение переписывает заново историю, привнося в нее свои ценности, представления и ожидания. Но дело не только в новом поколении с его особым типом самосознания и культуры. События, процессы, происходившие в прошлом, не имеют иной формы бытия: они отражены в современном сознании. Несмотря на то, что эти события были развернуты в многочисленных проявлениях пространственно-временных форм культуры, прошлое существует в настоящем и как все реально существующее, представляет процесс устойчивых и изменчивых состояний.

Время (как, впрочем, и пространство) — одно из уникальных явлений человеческой культуры. В данном случае мы имеем в виду историческое время как конкретный тип социального времени. Особенности его понимания зависят от существующих в науке парадигм. В частности, о специфике исторического времени

писал русский философ А.Ф. Лосев. Он обращал внимание на то, что все восточные культуры оперируют более или менее адекватными представлениями о времени. Но осознание историчности времени в античном мышлении характеризуется специфическими чертами [67]. Господствующая в определенный исторический период парадигма задает образец видения мира. Каждая культура имеет парадигму взаимодействия с реальностью. Когда-то Иван Карамазов Ф.М. Достоевского возмущался, что Бог создал мир со множеством измерений, в то время как мы воспринимаем лишь три. Сегодня становится очевидным, что трехмерное, механистическое восприятие мира — скорее иллюзия, которую мы склонны называть объективной реальностью. Качественно изменяются наши понятия о причинно-следственных связях, о сущности времени и пространства, а, следовательно, и об особенностях социологического познания. Мир открывается человечеству новыми гранями.

Существует древняя традиция в нашей культуре, утвердившаяся со дней крещения Руси: слову пророка верят, когда оно подтверждено его житием. Именно житием, а не просто жизнью. Житие великих лагерных узников: Михаила Бахтина и Алексея Федоровича Лосева, Дмитрия Сергеевича Лихачева и Даниила Андреева — это откровения истории и свидетельство того, что социальное познание не может быть ограничено рамками традиционной науки.

Так, исследования А.Ф. Лосева о чистом смысле и факте, а также о мифологии как науке и о мифе как наиболее реальном и полном осознании действительности [68. С. 765-771, 772-796] — лишь штрих его жития, утверждающего новые парадигмы.

Мы привыкли свысока относиться к мистике. Якобы научное знание достоверно, а мистический и религиозный опыт — под большим сомнением. Вместе с тем откровения Платона, Данте, Я. Беме, наконец, сам Апокалипсис Иоанна Богослова являют собой душу мировой культуры. Социальное познание обогащается подобным опытом. И оно, безусловно, было бы далеко не полным без того своеобразия, которое внес Д. Андреев. Его взору открылись многие тайны мира, и он поведал о них с документальной четкостью. Есть история человеческая, а есть метаистория. «Роза мира» Андреева — это не просто уникальное явление человеческой культуры. Это духовный подвиг человека, открывающего великие истины методом, отличным от традиционной науки. Говоря об особенностях метаисторического метода, Андреев обращает внимание на возможности исследования процессов, погруженных в другие потоки времени и в другие виды пространства, которые «просвечивают иногда сквозь процесс, воспринимаемый нами как история» [2. С. 31]. История России, представленная в гармоническом единстве экономической, политической, духовной сфер, обретает в «Розе мира» новое социокультурное бытие.

Прогресс человечества не может быть уподоблен восходящему движению по лестнице. В своем стремлении к совершенству общество проходит трудный путь испытания знанием. Социальное познание обладает огромным потенциалом, использование которого позволяет человечеству обрести гармонию вселенского бытия. Привлекательность рационального зачастую уводит от такой гармонии: рациональный разум логически ограничивает события и вместе с тем блокирует понимание истинного смысла происходящего.

Чем больше человек собирает рациональной информации из внешнего мира, тем больше теряет связь с ним. Не понимая этой истины, человек, гонимый страхом смерти и инстинктом самосохранения, создает защитные бастионы в виде материальных благ, социальных статусов и т.д.

Когда основные нужды удовлетворены, переживание качества жизни больше всего связано с состоянием личностного сознания, а не с внешними обстоятельствами. Поэтому случается так, что люди в течение жизни добиваются

каких-либо целей и, достигнув их, впадают в глубокую депрессию. Известный ученый, исследователь трансперсональной психологии С. Гроф так описывает эту ситуацию: «взобравшись до самого верха лестницы, замечаешь, что лестница стоит не у той стены».

Рациональное сознание, подобно встроенному в разум микроскопу, позволяет видеть мелкие подробности. Но при этом неизменно упускается целое: трезвость не способна охватить иррациональное и неожиданное. Она является великолепным средством «объективного» бессубъектного восприятия, однако бессильна в осознании «вечного сейчас».

По мере развития позитивизма и структурного функционализма становится очевидным, что реальность не может быть отражена только строго научными методами, а управление сложнейшими процессами социальной действительности невозможно свести к жесткому программированию. Не случайно еще в социологии 1960-х гг. начали формироваться различные направления, связанные с поиском путей и средств решения социальных проблем с учетом идеалов гуманизма и герменевтических традиций.

Гуманистический подход требует, чтобы человек, познавая мир, открывал себя в этом мире. Это путь обретения целостности. Иначе всегда будет возникать противоречие, тормозящее духовное становление, что связано с утратой понимания. Такая ситуация называется герменевтической.

Современная социология в совокупности различных направлений и методов обретает полноту возможности разрешения герменевтических проблем, что укрепляет ее статус в образовательном процессе. Статус не только как науки, но и как искусства и технологии в освоении объективной и субъективной реальности.

Анализируя опыт деятельности зарубежных университетов в центре социологического образования Института социологии РАН, В.А. Ядов обращает внимание на то, что современный студент обязан усвоить основные общетеоретические парадигмы, т.е. системно-структурную (включая К. Маркса, не говоря уже о классиках функционализма от Э. Дюркгейма до Р. Мертон), феноменологическую или, скажем, субъективную (Дж. Мид, А. Шюц, И. Гофман, П. Бергер, Т. Лукманн и др.) теории и то направление, «которое еще не получило общепринятого наименования. М. Арчер называет свой подход теорией морфогенеза, Гидденс — теорией структуризации, Бурдье, похоже, предпочитает, чтобы его теорию называли по имени автора. П. Штомпка именует свою теорию "social becoming", что на русский язык трудно перевести (что-то вроде теории становления социальных структур усилиями социальных агентов)» [117. С. 166].

Обозначив данные подходы как деятельностно-активистское направление, Ядов отмечает, что это не просто очередная мода, а рывок в объяснении и понимании современных социальных процессов на макро- и микроуровнях.

Анализ специализированных курсов дает основание судить о качественно разнообразном наборе методов и сфер социологического знания. Использование качественного и биографического методов, гендерной социологии, SPSS для анализа социологической и другой информации свидетельствует о настоятельной необходимости учитывать особенности нового времени, выветившего многообразие аспектов в социальном познании.

Стоит подчеркнуть, что для нового типа объектов характерны сложность, системность, самобытность, они не укладываются в стандартные познавательные формы. «Выявление объективного содержания предмета познания, — отмечает В.Я. Кемеров, — сближается с его конкретным пониманием, то есть с выработкой его конкретного понимания. Теперь это относится не только к познанию социального бытия, но и к познанию природы». Автор обращает внимание на то, что «непредсказуемые и ненаблюдаемые объекты не укладываются в стандартные

представления человеческого сознания, то есть ставят под вопрос само сознание, определяют его как культурную проблему» [48. С. 204]. Положен предел стандартам понимания природы и самого человека.

Возникла так называемая неоклассическая ситуация: чтобы зафиксировать объект или вступить с ним в контакт, необходимо создать специальный инструментарий, изменить позицию исследователя, скорректировать или сформировать специальный язык описания. Любой объект социальной сферы, ставший предметом социологического познания, является производным от уровня и типа самосознания, свойственного определенной культуре. В нем сконцентрирована социокультурная целостность, которая может быть открыта познающим субъектом, способным видеть социальные процессы в этом аспекте.

2. ГЕРМЕНЕВТИКА КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

2.1. Культура и герменевтика

Бытие человека вплетено в пространственно-временной континуум культуры. Осваивая материальные и духовные ценности, человек становится частью этой культуры, и его самопознание, реализация сущностных сил невозможны без понимания происходящего.

Мы уже отмечали, что каждый период человеческой истории порождает собственные принципы понимания. Объекты понимания соизмеряются не только с настоящим во времени:

они развернуты в многочисленных проявлениях пространственно-временных форм культуры.

Логика развития культуры предполагает решение проблемы понимания, интерпретации, с чем и связано возникновение герменевтики.

Любое событие, представленное в качестве как объекта, так и предмета социологического познания, происходит в контексте конкретной культуры. Для раскрытия закономерностей и вместе с тем понимания смысла происходящего необходимо не только учитывать особенности культуры, но и то содержание, которое доступно нашему пониманию при использовании данной категории.

Что такое культура? Этот вопрос должен волновать человечество, считающее себя культурным. И хотя события сегодняшнего дня ведут нас к осознанию того, что мы живем в условиях опасного смешения элементов культуры и бескультурья, постановка вопроса о сущности подлинной культуры есть путь приобщения к ее источникам.

Мир культуры — это мир человеческого духа. Он проявляется по мере того, как человек начинает открывать свои возможности и способности в усовершенствовании природного бытия. Достаточно, например, было увидеть причину хорошего урожая не в милости богов, а в качестве обработки почвы, чтобы осознать различие между культом как обожествлением природы и культурой, представляющей собой улучшение, возделывание почвы. Исторически культура возникла как агрокультура. Постепенно происходило рождение «культы самого человека». Самостоятельное же понятие «культура» появилось в XVIII в. Будучи связанным с осознанием действительных возможностей человека, оно отражало результаты и последствия его деятельности.

С развитием общества и культуры изменяется содержание данного понятия. В эпоху Возрождения возникает гуманистическая культура. В отличие от средневековой, связанной с традициями интерпретации священных писаний (чем и занималась герменевтика), культура Возрождения ориентирована на человека. Благодаря своему искусству, облагораживающему, совершенствующему то, что

дано природой, человек как бы возвышается над ограниченностью своего физического существования. Создавая то, чего нет в природе, и преодолевая свою физическую ограниченность, он приобщается к гармонии целого, к бесконечности мирового универсума. «Открытие человека» — это, по сути, главное открытие гуманизма.

Следует отметить, что вся человеческая история — это дистанция, которую суждено было пройти, чтобы стать тем, кем человек должен быть по своей природе. Культура в какой-то степени есть величина, равная такой дистанции. Это одновременно и путь, проделываемый человечеством в его развитии, и главный результат, итог пути. В то же время это уровень самооценки, который можно назвать духовной рефлексией.

Вся культура духовна, в том числе и материальная. Об универсальности этого феномена свидетельствует несколько сотен определений. Суть их сводится к тому, что в культуре заложено человеческое начало, происходит процесс очеловечивания и самопознания личности. Мысль о культуре как о мере и способах реализации человеческих сущностных сил была высказана российским философом Л.Н. Коганом.

Высокий уровень духовного развития субъекта открывает возможности самопознания, более глубокого понимания, что составляет реальную базу герменевтики. Для глубокого понимания кроме знаний необходим ум, облагороженный нравственной культурой.

Э.В. Ильенков отмечает взаимосвязь культуры и ума. «Ум можно определить как способность выносить суждения об одиночном факте с высоты усвоенной тобой общей культуры... Чем выше культура, — пишет он, — тем больше простора для обнаружения ума» [40. С. 462]. Если нет способности самостоятельно соотносить усвоенную человеком культуру с индивидуально неповторимой ситуацией, значит, ума нет. Его отсутствие есть глупость. Даже при огромном запасе знаний. Эту способность нельзя вложить в голову в готовом виде — в виде строгого правила. Поэтому, как писал И. Кант в «Критике чистого разума», не редкость встретить ученых мужей, которые, применяя свою науку, на каждом шагу обнаруживают этот непоправимый недостаток — глупость.

А. Швейцер, посвятивший значительную часть своей жизни исследованию причин упадка, кризиса буржуазной культуры, утверждал этический принцип в любой сфере ее проявления. Говоря о сущности культуры, Швейцер выделял два аспекта: господство разума над силами природы и господство разума над человеческими убеждениями и помыслами. Господство разума над силами природы, по его мнению, не является настоящим прогрессом, так как оно способно стимулировать и бескультурье. Господство разума над человеческими убеждениями и помыслами состоит в том, что индивиды соизмеряют свои желания с материальным духовным благом целого и многих. Швейцер связывал культурный прогресс с нравственным прогрессом. Отказ от этического начала в культуре ведет к ее разрушению. В истории человечества крупные достижения во всех сферах — в искусстве, строительном деле, методах управления, экономике, промышленности, торговле — оказывались тесно взаимосвязанными с духовным подъемом. В результате рождалось более совершенное мировоззрение и миропонимание. Ослабление культурного движения всегда отражалось как в материальной сфере, так и в духовно-этической. Причем в материальной сфере, как правило, несколько раньше. Так, в греческой культуре очевидный застой в развитии естественных наук и политических институтов наступил при Аристотеле. В нравственном же развитии подобные явления обозначились лишь в последующем столетии и выразились, по мнению Швейцера, в воспитательной деятельности, которую развернули в античном мире представители стоической философии.

В китайской, индийской, иудейской культурах прогресс в материальной сфере с самого начала постоянно отставал от духовно-этического развития.

Начиная с эпохи Ренессанса и до XIX столетия материальное и духовно-этическое направления развивались параллельно. Затем произошло невиданное: силы этического прогресса иссякли, а достижения в материальной сфере продолжали возрастать. Блестящая картина научно-технического прогресса в конце XIX-начале XX столетия затмила сознание людей. Поэтому последствия ослабления этического развития были почти незаметны.

Бездумье породило убеждение, что культура складывается преимущественно из научно-технических и художественных достижений и может обойтись без этики либо ограничиться ее минимумом. Отказавшись от этической концепции культуры, стали рассуждать о народе, государстве, религии, прогрессе общества исходя из эмпирических данных. Особо выделялось чувство реальности, прославлялась рациональность. Сформировался особый склад мышления, в котором терялись этические идеалы. Такая ситуация соответствует герменевтической — в наличии основные признаки непонимания происходящего.

Важно иметь в виду, что культура есть способ человеческого бытия. Поэтому в процессе социологического познания и, главное, понимания происходящего необходимо в каждом конкретном событии видеть проявление единой универсальной целостности.

Каждая культура представляет собой единство стиля и формы, включающее все ее материальные и духовные произведения, — технологии и архитектуру, физические концепции и живописные школы, музыкальные произведения и математические исследования... Культурный человек не тот, кто просто много знает о живописи, физике, генетике, нравственном совершенстве и т.д., а тот, кто чувствует внутреннюю форму культуры как закон для всего ее содержания, как судьбу данной культурной эпохи, видит проявление одной и той же особенности в совершенно различных отраслях.

Поэт О. Мандельштам писал о том, что появление в XX в. железных дорог изменило ритм и строй русской прозы. Можно сказать, что открытие микромира в начале века послужило толчком для создания новой культурной формы, оказало влияние на научную картину мира, на философское понимание познавательных возможностей человека, положило начало новым видам живописи, дало толчок развитию ритмической прозы и даже возникновению различного рода религиозных УИКОАЛ Рождающаяся вследствие такой взаимосвязи форма культуры, не является обыкновенным продуктом техники или образования. Это атмосфера духовности, существующая в данную эпоху, своеобразный канон.

Человек только тогда может в полной мере обнаружить свою неповторимую индивидуальность, когда приобщится к постижению внутреннего смысла культуры. Он выявляет для себя данную форму культуры, ощущая при этом связь с человечеством. И в этом состоит подлинный смысл социализации личности.

Китайский философ Чжуан-Цзы писал: «С лягушкой, живущей в колодце, нельзя говорить об океане: она привязана к своей дыре; с насекомым, живущим одно лето, нельзя говорить о льде: оно ограничено временем своей краткой жизни; с ограниченным грамотеем нельзя говорить о дао: он скован своим образованием. Только теперь, когда ты вышел из своих берегов и увидел великий океан, ты узнал свое ничтожество, и с тобой можно говорить о великом законе» [34. С. 268].

Русский философ П.А. Флоренский, говоря о культуре, также обращал внимание на приобщение людей к великому смыслу бытия. Культура, по его мнению, это язык, объединяющий человечество. Это язык отношений, язык понимания, язык познания и самопознания. В таком приобщении происходит развитие самого человека во всем многообразии и целостности его общественного существования.

Культура, таким образом, общечеловечна, поскольку в ней соизмеряются неповторимость и уникальность духа конкретной эпохи, конкретного народа с ценностями «мировой гармонии».

Рассмотренные три социологических примера — взаимосвязь индустриальной и духовной сфер, постижение человеком смысла происходящего и возникновение в этом процессе общения и взаимопонимания людей — методологически основаны на универсальном герменевтическом принципе части и Целого, а также на принципе контекстуального подхода, где каждое социальное явление рассматривается в контексте культурных универсалий.

Хочется поддаться искушению привести пример из эссе о Ницше русского символиста А. Белого: «В нем, как в фокусе, сосредоточено все вещное, что когда-либо входило в душу человека ужасом и восторгом, нежностью и яростью, бурей и тишиной, ясным небом и душной тучей. До Ницше неприступная бездна отделяла древнеарийских титанов от новоарийской культуры. Между гениальнейшим лирическим вздохом Гёте (этого самого великого лирика) и раскатом грома какого-нибудь Шанкары из Пататанджали - какая прорасть! После Ницше этой пропасти уже нет. "Заратустра" - законный приемник гётевской лирики; но и приемник "Веданты" он тоже. Ницше в германской культуре воскресил всё, что ещё живо для нас в Востоке: смешно теперь соединять Восток с Западом, когда сама личность Ницше воплотила это соединение". По мнению А.Белого, Ф.Ницше пытался ассимилировать чуть ли не все философские, эстетические и художественные школы своего времени, но его не понимали. Произошло " усвоение жаргона без душевного ритма, сопровождающего жаргон" [5. С.180,185]

Социальное непонимание разрушительно. "Если Христос распят человечеством, не услышавшим призыва к возрождению, в Ницше распято смертью само человечество, устремлённое к будущему..." [5. С 191]. Это писал поэт, не принимаемый многими современниками, хотя философ Г.Г.Шпет видел в А.Белом предвестника будущего.

Говоря о взаимосвязи культуры и герменевтики как искусства понимания, хочется предложить ещё одну зарисовку из "Песни жизни" А.Белого, сделанную в начале XX в.: " Мы разучились летать: мы тяжело мыслим, тяжело ходим, нет у нас подвигов, и хиреет наш жизненный ритм: лёгкости божественной простоты и здоровья нам нужно; тогда найдём мы смелость пропеть свою жизнь - жизнь без песни не жизнь вовсе. Нам нужна музыкальная программа жизни, разделённая на песни(подвиги), а у нас нет ни единой собственной песни. Это значит: у нас нет собственного строя души, и мы - не мы вовсе, а чьи - то тени; и души наши - не воскресшие Эвридики, тихо спящей над Летой забвения; но Лета выступает из берегов: она нас потопит, если не услышим мы призывающей песни Орфея. Орфей зовёт свою Эвридику." [5.С.177]

Поистине, чтобы разобраться в текстах Ф.Ницше, о котором написано немало разного, а также и в особенностях произведений довольно противоречивой личности А.Белого, необходимо то самое инклюзивное мышление, т.е. взгляд и понимание изнутри тех событий, которые происходили в контексте конкретной культуры. По образному выражению Ф.Шлейермахера, понять автора лучше, чем он сам себя понимает,- это одна из задач герменевтики. Не только понять умом, но и эпатировать, т.е. чувствовать чувствами того времени.

При этом следует иметь в виду, что человек, приобщаясь к культуре, опредмечивает свою индивидуальность, реализует свои сущностные силы. Вместе с тем идёт процесс воспитания, который в основе своей является процессом овладения культурой.

В социализации и самоактуализации личности раскрывается главная, человекотворческая функция культуры. Благодаря культуре осуществляется

передача социального опыта от одного поколения к другому, входящему в жизнь, а также и период жизни одного поколения между странами и народами. Подобную важную социальную функцию может выполнить только культура как сложная знаковая система, которая сохраняет социальный опыт поколений в понятиях и словах, формулах науки, своеобразных языках искусства, в продуктах творческого труда.

Взаимодействуя со всеми сферами общественного бытия и сознания, культура представляет собой совокупность многообразных способов освоения мира. Это самопознание общества каждого периода, каждой эпохи через призму существующей системы ценностей.

Воспринимая и оценивая информацию, заключённую в культуре, человек вступает в косвенное, опосредованное общение с людьми, основателями и хранителями этой информации. Выполняется коммуникативная функция культуры, которая тесно взаимодействует с регулятивной функцией. Она содержит в себе оценочную характеристику степени соответствия поведения и деятельности людей нормам и принципам во всех сферах общественной жизни.

Являясь духовным состоянием общества, культура связана со всеми его сферами.

Социологическое познание, а также управление процессом сохранения, развития и усвоения культурных ценностей связано с пониманием сущности культуры и закономерностей ее функционирования.

Значительное количество определений культуры связано с многогранностью этого феномена. Следует учитывать, что культура — это не только совокупность материальных и духовных ценностей: она является основным средством социализации человека. Мы уже отмечали, что в основе своей культура — это мера и способ реализации сущностных сил субъекта (человека, нации, региона, общества в целом) в процессе его жизнедеятельности.

Сущностные силы носят конструктивный характер, поэтому в культуре концентрируется все ценное, позитивно значимое.

Судьба культуры зависит от того, насколько человеческое, «мера человека» будет преобладать над ощущением внешней «оснащенности» вещами и властью. Культура человека — его внутреннее богатство, выражаемое в универсальном развитии его способностей, потребностей, различных форм его деятельности, богатстве его отношений и общения в системе социальных институтов общества.

Культура — понятие емкое, представляющее совокупность позитивных социальных образований во всех сферах общественной жизни. В своем исследовании мы с благодарностью используем методологический подход, разработанный Л.А. Зеленовым [39. С. 3-32].

Говоря о социокультурной парадигме в предыдущем разделе, мы обратили внимание на то, что любой объект, становясь предметом социологического познания, в герменевтической интерпретации связывается с типом самосознания, свойственным определенной культуре.

В современном общественном сознании понятие «культура» порождает разнообразие ассоциаций. В структуре управления обществом акцент делается на художественной и, в лучшем случае, на физической культуре. Такой подход не только исключает возможность социологического анализа культуры, но и затрудняет ее истинное понимание. В реальности культура пронизывает все сферы социума, и понимание этого делает возможной перспективу повышения их культурологической ценности.

Логический и историко-практический анализ общества показывает, что таких сфер восемь, и они группируются по противоположным парам: экономическая-экологическая; педагогическая-управленческая; научная-художественная;

медицинская-физкультурная.

Указанные сферы являются социальными константами. В общественной жизни происходят как позитивные, так и негативные процессы, поэтому в каждой из сфер формируется своя специфическая культура.

1. Экономическая культура.

Функциональным стержнем экономической культуры является экономическая деятельность, которая представлена основными функциями: производство-распределение-обмен-потребление.

Применительно к обозначенной проблеме это означает, что в системе общества исторически формируются соответствующие культуры:

экономические образования:

- культурные экономические способности (знания и умения),
- культурные экономические потребности (установки),
- культурные экономические деятельности,
- культурные экономические отношения,
- культурные экономические институты;

экономические циклы:

- культура производства,
- культура распределения,
- культура обмена,
- культура потребления.

Экономическая культура в субъективном плане зависит от соответствующей культуры тех экономических институтов общества, которые призваны осуществлять соответствующую деятельность. Это законодательные и исполнительные органы власти как в центре, так и в области.

2. Экологическая культура.

Функциональным стержнем экологической культуры является экологическая деятельность, которая представлена четырьмя основными функциями: природосохранение-природо-восстановление-природосовершенствование-защита человека от пагубного воздействия природы.

В экологической сфере возникают и разрешаются противоречия в системе «природа-общество». Сама природа как контрагент отношения противостоит обществу своими подсистемами:

- литосфера;
- гидросфера;
- атмосфера;
- биосфера;
- ноосфера.

Названные функции экологической деятельности обращены на все объекты экологической сферы, что определяет построение системы экологической культуры общества. При разработке соответствующих экологических программ необходимо учитывать все эти блоки.

Как и в экономической сфере, уровень и качество экологической культуры определяются эффективностью экологических институтов (государственных и общественных).

3. Управленческая культура.

Сфера управления общественными процессами включает в себя блоки способностей, потребностей, деятельности, отношений и институтов. Управление связано с мобилизацией людей к деятельности, с превращением их потенциальной

готовности в актуальную деятельность.

Культура управления включает в себя такие функции:

- планирование — разработка программы деятельности, комплектование кадров;
- организация — формирование системы управления;
- руководство — принятие управленческих решений;
- контроль — осуществление обратной связи с объектом управления;
- регулирование — внесение коррективов, изменений в систему управления.

Каждая из этих функций может быть представлена в культурологическом аспекте с учетом всех особенностей и признаков культуры. Следует отметить, что политическая, правовая, административная, организационная, менеджерская культуры являются видами управленческой культуры.

Как управление, так и самоуправление в различных формах предполагает управленческую культуру каждого гражданина страны.

4. Педагогическая культура.

Этот вид культуры выражает позитивные процессы, ориентации той сферы, которая связана с передачей и освоением социального опыта человечества. Педагогическая культура включает в себя блоки способностей, потребностей, деятельности, отношений и институтов. Она является «социальным мостом», который связывает поколения людей.

Педагогическая культура — это вся система исторически накопленных механизмов передачи социального опыта.

Социальный опыт человечества включает в себя три системы социальных ценностей, которые не передаются по генетическим каналам:

- ~ система знаний — информационная культура общества;
- ~ система умений — операционная культура общества;
- ~ система установок — мотивационная культура общества.

Все другие социальные параметры личности (представления, потребности, интересы и т.д.) являются видами, модусами знаний, умений и установок.

Основные слагаемые человеческого опыта определяют и основные педагогические процессы:

- образование — передача, освоение знаний;
- обучение — передача, освоение умений;
- воспитание — передача, освоение установок, ценностных ориентации.

В культурологическом аспекте образованный — это знающий и понимающий человек; обученный — умеющий человек; воспитанный — ценностноориентированный, культурный человек.

Педагогическая культура включает в себя закономерности трех педагогических функций: образование-обучение-воспитание.

5. Художественная культура.

Эта культура выражает способность человека образно отражать и моделировать мир. На основе такой способности людей формируется искусство как универсальная образная модель мира. Многочисленные виды искусства различаются спецификой средств образного моделирования действительности: литература — это искусство слова, музыка — искусство звука, живопись — искусство света, графика — искусство линии, скульптура — искусство объема, хореография — искусство движения и т.д. Синтез различных моноискусств образует множество синтетических, гибридных искусств, таких как театр, кино, телевидение, цветомузыка и др.

Если на основе образного отражения складывается художественная деятельность в целом, то на основе образного преображения — художественная утилитарная

деятельность в богатстве многих видов — прикладное искусство, дизайн художественная гимнастика, фигурное катание, эстетотерапия, декоративная хирургия и т.д. Процесс создания подобных форм разрастается, потому что человек любую форму своей деятельности стремится строить по законам красоты, по законам совершенства.

6. Научная культура.

Если искусство базируется на образном мышлении человека, то наука — на абстрактном. Это абстрактное, теоретическое моделирование деятельности.

Основная функция науки — генерация, производство знания. Наука — «теоретический слуга» общества, она обслуживает знанием все его сферы.

В системе науки в соответствии со спецификой отражаемого объекта можно выделить крупные междисциплинарные комплексы:

- учение о природе — естественные науки (естествознание);
- учение о технике — технические науки (технознание);
- учение об обществе — общественные науки (обществознание);
- учение о человеке — гуманитарные науки (человековедение).

Перечисленные комплексы и образуют содержание всей научной культуры общества.

Научная культура — это не только совокупность теоретических или эмпирических знаний. Это и культивированные, сформированные способности, потребности, различные формы научной деятельности, отношения и институты общества, ориентированные на производство знания.

7. Медицинская культура.

Основу медицинской деятельности составляет сохранение и восстановление жизнеспособности индивида и человеческого рода. Медицину интересует биопсихический субстрат: анатомические, физиологические и психические подсистемы, которые должны оптимально функционировать. Сегодня медицина стоит на пороге объединения западной и восточной культур. (Г. Байнфилд и Е. Корнголд объединяют восточную медицинскую традицию с западной теорией, тело воспринимают в единстве с сознанием, человека — с природой, мужское - с женским [3].) Нормальная жизнеспособность характеризуется как «здоровье», нарушенная — как «болезнь», потеря «образа». Поскольку медицина имеет отношение и к здоровым, и к больным людям, постольку она выполняет две основные функции: профилактическую (сохранение здоровья) и лечебную (восстановление здоровья). Обе нуждаются в третьей, обслуживающей их, функции — диагностической (распознавание состояния организма). Это, в конечном счете, и определяет три вида медицинской культуры общества:

- диагностическая культура;
- профилактическая культура;
- лечебная культура.

Как и все другие виды, медицинская культура включает в себя сформированные способности, потребности, деятельность, отношения и институты.

8. Физическая культура.

Специфика физической культуры, физкультурной деятельности, в отличие от медицинской, заключается в том, что она непосредственно направлена на развитие и совершенствование биосубстрата человека. Само физическое совершенство есть не что иное, как оптимальное функционирование всех систем человеческого организма, обеспечивающее его высокую жизнеспособность в экстремальных (минимальных или максимальных) состояниях.

Спорт как отвлечение от физкультуры такой задачи перед собой не ставит. Цель

спорта — достижение не физического совершенства, а «конкурирующего результата» — рекорда. Указанная цель чаще всего достигается за счет здоровья, за счет физического совершенства. Поэтому в мире и нарастает негативное отношение к самодовлеющему спорту.

Физическая культура должна измеряться не количеством чемпионов, мастеров, разрядников, первенств и призов, а физическим совершенством всего населения, всех его групп. Значение такого подхода несомненно, так как физическое совершенство организма человека определяет его трудоспособность, жизнеспособность, продуктивность функционирования во всех сферах общественной жизни.

Ориентация способностей, потребностей, деятельности, отношений и институтов общества именно на эту цель и определяет уровень развития физической культуры страны, региона, области.

Различные виды общественной культуры перечисленных сфер существуют только во взаимодействии: каждая культура взаимодействует со всеми другими, вступает с ними в отношения гармонии или дисгармонии.

Важно учитывать, что существование культуры каждой сферы общества должно быть обеспечено всеми другими сферами, что является важнейшим условием ее сохранения и развития. Так, в экономике педагогическая сфера поставляет кадры высокой профессиональной культуры, научная сфера — прикладные разработки, художественная способствует эстетизации производства, развитию дизайна, управленческая предлагает эффективные способы планирования, организации производства, медицинская обеспечивает оптимальную реализацию возможностей человека (имеется в виду биопсихический субстрат) в сфере производства и т.д.

Вместе с тем необходимо принимать во внимание, что существует особое состояние — «культура личности», типологическая структура которой включает в себя общую культуру (естественнонаучную, техническую, социологическую и гуманитарную), профессиональную (восемь типов в соответствии с названными сферами общества), мировоззренческую (основные типы, характеризующие культуру личности: обыденно-практическое сознание, мифология, религия, искусство, наука, философия) и нравственную культуру как существенное основание духовного становления человека.

При социологическом исследовании культуры целесообразно строить программу с акцентом на когнитивном аспекте (совокупность парадигм, знаний, навыков во всех видах деятельности), на поведенческом (регуляция человеческих отношений, человеческого общения) и на праксеологическом (действие социальных институтов культуры во всех видах и сферах).

Таким образом, культура как социальное явление, взаимодействуя со всеми сферами бытия и сознания, проявляется в виде универсальной целостности в каждом социальном процессе, в том числе природном, космическом, резонируя в социуме. Это обуславливает необходимость познания всех социальных процессов в универсальной взаимосвязи, а ключом может служить герменевтика с ее принципами и методами.

Термин «герменевтика» означает искусство интерпретации, толкования. Его определяют как теорию понимания смысла (В. Дильтей) и как искусство постижения чужой индивидуальности (Ф. Шлейермахер).

Гермес в античной мифологии был покровителем красноречия, магии, а также глашатаев и послов. Он, как вестник, доставлял людям послания богов и толковал их, чтобы сделать понятными для смертных. В античности и средневековье наряду с понятием «герменевтика» использовался термин «экзегеза», обозначающий толкование сновидений, пророчеств, сакральных текстов, что соответствует понятию «интерпретация» (от лат. *interpretatio* — толкование, изъяснение).

Первой герменевтической проблемой стало обсуждение того, сколько смыслов в слове (один или несколько). В поисках

истины в античности обозначились две школы — Александрийская и Пергамская. Дискуссия и даже противостояние длились до периода Реформации. В XVI в. профессор еврейского языка в Виттенбергском университете М. Флациус примирил их. Согласно его учению, подлинный смысл любого слова, в том числе из Священного Писания, всегда один — сокровенный. Различные контексты употребления данного слова дают разные смысловые варианты. В труде этого ученого под названием «Ключ к истолкованию Священного Писания» заложены и обоснованы герменевтические принципы контекстуального подхода и герменевтического круга. Причем именно в этой работе впервые показаны различия между смыслом и значением слова.

Справедливости ради следует отметить, что о контекстуальном подходе писал еще А. Августин (354-430). Он более тридцати лет посвятил герменевтике, а его «Христианская наука или основания священной герменевтики и искусства церковного красноречия» — первый фундаментальный труд по герменевтике. К тому же именно Августин впервые в явном виде определил основную герменевтическую категорию «понимание», говоря о том, что это переход от знака к значению. Переход, в процессе которого происходит познание значения. Людские души, по мнению Августина, родственны, поэтому, соприкасаясь, они понимают знаки. Причем знаки понимаются только в контексте. Августин пишет и о принципе, который широко используется в герменевтике, — принципе конгениальности. В основе его — соразмерность творческих потенциалов исследователя какого-либо текста и его создателя. У Августина это тождество «боговдохновенности автора» и «боговдохновенности читателя».

Канонические методы, предложенные А. Августином, Блаженным, как его называли, господствовали до эпохи Реформации. В культуре нового времени возникают новые социальные запросы. Задачи критики католицизма и обоснования нового религиозного движения приводят М. Флациуса к поиску «ключей» к Священному Писанию. Он не только возводит контекстуальный подход, о котором писал еще Августин, в герменевтический принцип, но и развивает аспекты его использования и выводит еще один — учет цели текста. Под «текстом» в герменевтике понимается любое событие, любая ситуация. Проблема науки, художественное произведение — тоже текст.

Немецкий философ И. Хладениус расширяет предмет герменевтики и применяет ее принципы не только к анализу текстов Священного Писания, но и к истории.

Предметом понимания для герменевтики выступает человеческий культурный мир. Этот мир имеет исторический характер, так как он вовлечен в поток времени, не может существовать без постоянных изменений. К тому же современная культура есть продукт тысячелетий культурного развития человечества и включает в себя его вечные творения. Все науки — общественные и гуманитарные — входят в общую сферу человеческой жизни и культуры. Что касается естественных наук, то, несмотря на их качественное отличие от гуманитарных, они также включаются Х.-Г. Гадамером в сферу человеческой жизни и культуры. «Ибо бытие духа в существенной степени связано с идеей образования. Человек отличается тем, что он разрывает с непосредственным» природным; этого требует от него духовная, разумная сторона его существа [21. С. 53].

Герменевтический подход дает возможность преодолеть односторонне гносеологическую ориентацию: истина не есть характеристика познания, это характеристика самого бытия. Действительность познается не только теоретически, но и жизненно-практически. Понимание при этом является способом существования познающего, действующего и оценивающего человека.

Интерпретация культурной традиции рассматривается в форме диалога прошлого и настоящего, а познающий субъект всегда «преднаходит», открывает себя в определенном месте, в определенной ситуации. Текст воспринимается как «открытая система», а его смысл и ценность — как исторически подвижные и изменчивые. Поэтому никакое суждение о нем не может считаться абсолютным, окончательно исчерпанным. В данном аспекте реализуется именно та задача, которая неизменно должна ставиться преподавателем: не просто дать информацию, проверить, как ученик понял, запомнил и т.д., а ввести его в ходе изучения предмета в мир человеческой культуры и помочь ему открыть и реализовать себя в этом мире.

Немецкий философ М. Хайдеггер считал, что герменевтика — это фундаментальный способ бытия человека. Бытия в этике, эстетике, в экономике, политике, в любой науке и в жизни. Сегодня мы видим, что это важнейший способ бытия в социологии.

Ученик М. Хайдеггера Х.-Г. Гадамер отмечал, что теория герменевтики имеет существенное значение для любой науки и вообще для любой человеческой деятельности. Его книга «Истина и метод», вышедшая в 1960 г., произвела небывалое впечатление. Если прежняя герменевтика выступала с претензией быть методологией наук о духе (В. Дильтей и др.), то Гадамер провозгласил ее универсальной философией нашего времени.

Герменевтика — это дисциплина, исследующая человеческую способность понимать, это теория и практика понимания и истолкования. Следует еще раз подчеркнуть, что Гадамер имеет в виду не просто постижение текстов (памятников культурной жизни), а понимание их смыслов. Именно смысл раскрывает значение исследуемых процессов и явлений.

Герменевтику не интересуют голые факты. При этом следует согласиться с Ф. Ницше, что нет фактов, а есть только интерпретации. Своеобразная интерпретация и означает с точки зрения герменевтики установление и проявление смысла.

Мы уже отмечали, что предметом герменевтики является культурный мир, вовлеченный во временной поток, поэтому постоянно изменяющийся, но вместе с тем сохраняющий устойчивые состояния в формах культурных универсалий: современная культура представляет собой воплощение и продукт тысячелетий культурного развития человечества и включает в себя его вечные творения. Вследствие этого у Гадамера есть все основания утверждать, что человек, чтобы понять то или иное социальное явление или истолковать исторический документ («текст» — по терминологии герменевтики), должен обладать историческим пониманием, «предпониманием»; он должен осмыслить историческую ситуацию, в которой живет и действует, должен уяснить имеющиеся в нем самом «предрассудки», должен стремиться понять исторические обстоятельства, в которых развертывались события прошлого, т.е. «вжиться в текст», «почувствовать» его, и лишь на этой основе истолковывать, интерпретировать, оценивать исторические факты и процессы. К истине исследователь должен идти, ведя постоянный «диалог» с текстом, с окружающим его сегодня немим миром и миром истории. Тот же, кто, «полагаясь на объективность своих методов и отрицая свою собственную историческую обусловленность, мнит себя свободным от предрассудков, тот испытывает на себе могущество этих предрассудков, господствующих над ним без всякого контроля с его стороны...» [21. С. 16-17].

Таким образом, важный вывод, который делает Гадамер, состоит в том, что познаваемый социальный объект представляет собой культурно-исторический текст, который не является предметом или объектом, противостоящим познающему субъекту, а находится с ним в состоянии диалога.

В этом плане интересно исследование непредметного бытия искусства. Произведение искусства — это «со-бытие» человека и предмета, объемлющее и

человека, и предмет. Произведение искусства существует как «воспроизведение», оно должно воздействовать на субъекта, который может быть им очарован, может поддаться «играющей видимости». Итак, бытие произведения не заключено в нем самом, его нет также и в сознании субъекта. Оно, по мнению Гадамера, проявляется в процессе «погружения» подготовленного к восприятию сознания человека в бытие произведения искусства, участвует в нем («участвует» — т.е. становится его частью). Происходит как бы разыгрывание ситуации. Произведение, текст выступают по отношению к человеку как «превосходящая реальность», в которую они вовлекаются. В этом смысле Гадамер утверждал, что «субъект игры - это не игрок», через играющих игра достигает своего осуществления. «Игра - это совершение движения как такового», т.е. субъект игры - сама игра. «Игра играет». Здесь Гадамер использует метафору, отмечая то, что мы «можем говорить и об игре света, волн, деталей шарикоподшипника, говорим "сила играет", "движется играючи", говорим и об играх животных и даже об игре слов» [21. С. 148, 152, 149].

Таким образом, Гадамер показывает, что отношение человека к тексту не укладывается в гносеологическую схему типа «субъект — объект». Данный вывод важен для разработки методологии социологических исследований.

Другой не менее важный аспект, который следует из герменевтики Гадамера, это учет временной ситуации. Подобно тому, как произведение в искусстве в полном смысле существует в процессе его воспроизведения, т.е. в становлении, социальное событие, изучаемое социологами, носит темпоральный, т.е. актуально временной, характер. В познании не только фиксируется происходящее, но и отражается общественное мнение о нем, а также социальные чувства, эмоции, настроения. В связи с этим истина есть не характеристика познания, а характеристика самого бытия.

Понимание текста предстает как экзистенциальное событие человеческой жизни, а осмысление прошлой культуры («опыт традиции») выступает как форма самоосмысления индивида и общества. Интерпретация культурной традиции, например, рассматривается как момент ее "действенной истории", как диалог прошлого и настоящего.

Субъект такого познания всегда «преднаходит» себя в определенном пространственно-временном континууме. Понимание для Гадамера — это способ существования познающего, действующего и оценивающего субъекта. Действительность не только теоретически познается, но и жизненно-практически "испытывается" человеком. Поэтому делается акцент не на познании, а на «опыте мира». Понимание же есть не процесс мышления, а факт присутствия в мире.

Причем человеческое существование — это единство трёх временных модусов: прошлого, настоящего и будущего. Искаженное восприятие происходит из-за ограниченности горизонта видения: один временной модус становится доминирующим и люди живут образами либо прошлого, либо будущего, не воспринимая реальность настоящего.

Итак, наше понимание прошлого зависит не только от нас самих. Оно в значительной степени детерминировано и нашим настоящим, и теми традициями, которых мы придерживаемся.

Исходя из герменевтики, по Гадамеру, мы должны пытаться понять то, что может быть понято. Причем в герменевтическом предмете Гадамер выделяет особенности языка, вербальности как феноменов культуры [21. С. 446, 453, 471]. При этом важно учитывать, что "язык" - это тоже своеобразная метафора, ибо ещё до Гадамера герменевтику воспринимали как вспомогательную дисциплину: как «канон правил об обращении с текстом». В том случае, когда изучались специальные тексты, она дифференцировалась: библейская, юридическая герменевтика.

Овладевая культурой общества, индивид усваивает какую-то часть её и

добавляет к ней своё личное отношение. Индивидуальный контекст формируется в результате усвоения индивидом культуры общества и личного жизненного опыта. Понимание на высшем уровне - это теоретическая деятельность: связывание идей, установление отношений между ними, приведение их к целому, системному виду. Такое понимание не может возникнуть просто из накопления фактов: оно требует прерыва постепенности и в результате - возникновения нового качественного образования. Примером может служить парадокс «части-целого», в котором часть непонятна без целого, а целое - без составляющих частей. При этом используется презумпция целостности (витающая в сознании целостность), которая воплощена в языке.

Идеи не существуют без языка. Но это не значит, что они заключены в самих словах. Часто «скорлупа слов» препятствует пониманию, затемняет подлинный смысл. Возникает ситуация, когда мы не владеем словом. Напротив, слово владеет нами. При этом интонация иногда совершенно меняет смысл. Б. Шоу как-то точно заметил, что есть один способ написать слово «да» и не менее пятисот способов его произнести. Слово и интонация могут не совпадать. Примером несовпадения является ирония. М.А. Чехов, актер, теоретик искусства, в своей книге «Путь актера» писал о слове, которое имеет смысл и звук. Слушайте смысл, и вы узнаете человека.

Река речи народа течет в будущее. При этом из языка выпадают одни слова и появляются новые из соединения начальных букв группы слов. Примером служат сложносокращенные слова - аббревиатуры: ООН, ЮНЕСКО, СНГ, исполком, вуз, отражающие суть состояния. Осознание сути дает человеку возможность правильного применения слова, но не его «употребления». «Сила слова, данная Богом, не открывается человеку, если он ее искажает неправильным применением» [98. С. 4].

В сути слова проявлена совокупность творческого преобразования и контекста, в котором оно звучит.

Когда-то, согласно Библии, «на всей земле был один язык и одно наречие», но люди стали строить Вавилонскую башню, и Господь смешал языки, «чтобы один не понимал речи другого». Отметим, что языки не разделились, а образовались в результате смешения.

Стоящее в начале Евангелия от Иоанна слово «логос» подразумевает незвучащее, привязанное к отдельному языку слово. Человек отражает материальный и духовный мир в слове. Вербально — речью, визуально (письменно) — знаковой системой. Язык является одним из средств выражения сути человека, материальной оболочкой его мысли. Изменения в языке связаны с изменением социальных процессов.

Изучение любой дисциплины, а тем более — социологии, является вместе с тем процессом овладения языком категорий, которые представляют собой ступени освоения предмета и реальности через предмет, на что и нацелено в своей основе герменевтическое познание.

Таким образом, основные положения герменевтики, такие как открытость, незавершенность интерпретации, неотделимость понимания текста от самопонимания познающего субъекта, а также постижение смысла конкретных социальных процессов, логики их развития в историческом контексте культуры, вписываются в современные стратегические тенденции теоретической и практической социологии.

Многообразие существующих сегодня парадигм свидетельствует об универсальном статусе социологического познания, которое, согласно герменевтической традиции, неотделимо от человеческого общения и вместе с тем представляет собой конструктивный элемент общей структуры бытия, его

культурологическую ценность. Значимость этого усиливается еще и тем, что текст саморефлексивен: познавательная активность субъекта посредством текста обнаруживает его собственный духовный мир. В замкнутом взаимодействии актов интерпретации и «предпонимания» текста реализуется герменевтический круг, происходит приобщение к целостному универсальному миропониманию.

Большинство направлений в герменевтике так или иначе восходит к началам, положенным Гермесом — Трисмегистом, «трижды великим», как называли его древние греки. По описанию, он жил в четвертом тысячелетии до нашей эры в Египте, где был избран Верховным жрецом. Еще при жизни его обожествляли, после смерти стали почитать богом Тотом. О нем сложено немало легенд и преданий. Считается, что он является прямым создателем многих наук и искусств: химии, алхимии, музыки, анатомии, психологии, искусства тройного шифрования, ритуалов мистического посвящения и мистерий. Его трансовый метод набора энергии получил название «гимнастика Гермеса», а метод постижения «слова-света» используется в разных системах.

О сорока двух книгах Гермеса упоминал К. Александрийский в своей работе «Стропата». Самой знаменитой считается «Книга Тота», в которой Гермес открыл секретные методы овладения человеком сверхъестественными силами, способами управления реальностью через специальные церемонии, а также возможности активного включения правого полушария мозга с его языком чувств, образных картин, интуиции для более полного познания реальности. Он обратил внимание на единство законов Вселенной. Считают, что именно Гермес назвал человека «микрокосмом» и высказал мысль о том, что если он познает Вселенную, то познает себя.

Такой подход вполне созвучен миропониманию в русском космизме.

В современной социологии мы видим непосредственную взаимосвязь культуры, содержащей в своей основе культ света, добра и мировой гармонии, с герменевтикой как методом понимания и сотворения смысла человеческого бытия. Эта взаимосвязь восходит к истокам русского космизма — явления многогранного, всеобъемлющего, решающего проблему универсального синтеза.

Русский космизм сегодня, в эпоху развития процессов глобализации, соотносится с принципами герменевтического круга. Укорененный в тысячелетней христианской культуре, космизм стал определенным мировосприятием, мирочувствованием, мирозерцанием широких слоев русской интеллигенции: мыслителей, писателей, поэтов, художников, музыкантов, натуралистов и естествоиспытателей [57. С. 125].

Русским философом В.С. Соловьевым космизм мыслится в онтологии как «положительное всеединство» (свободное объединение в Абсолюте всех оживотворенных элементов бытия), как Божественный первообраз и искомое состояние мира; в гносеологии — как «цельное знание» (интуитивное образно-символическое постижение мира, основанное на нравственном усилии личности — познание через веру) [102. С. 5-170].

Основной чертой мировосприятия П.А. Флоренского — священника и богослова, философа и историка, математика, физика, филолога и искусствоведа — является чувство космической целостности, одушевленности и взаимной сопряженности всех частей мира. Целостную картину мира он строит исходя из соответствия и взаимного просвечивания разных слоев бытия: каждый слой узнает себя в другом, находит родственное основание.

Концепция всеединства, изложенная П.Д. Успенским, учеником Г.И. Гурджиева, содержит идею о мире как живом организме, имеющем многослойное иерархическое строение, о месте человека в этом мире и ряд функциональных законов: закон трех — создающий все явления в многообразии и единстве, и закон семи (натуральная гамма) — закон ступенчатого развития.

Большинство представителей русского космизма - С.Н. Булгаков, И.О. Лосский, А.Ф. Лосев и др. — установили каждый в соответствии друг с другом универсальную соразмерность человека и Вселенной.

В понимании русского космизма успешно работает герменевтический принцип части и целого: воспринимая индивидуальность, «помыслив» одно естественноисторическое «тело», мы тем самым «помыслим» и всю бесконечность мировых связей, т.е. нечто конечное становится условием описания бесконечности. Не зная всех этих связей объективно, мы знаем их целостно. Не в терминах сущности, а в терминах индивидуальности явленного мира.

«Люди никогда не смогут обладать всей полнотой знаний о мире, — отмечает Л.Ф. Корецкая, — и поэтому они вынуждены создавать целостное знание, то есть нечто такое, что не раскладывается в возможной последовательности сменяющихся друг друга поколений. Оно воспроизводится всякий раз актуальным объединением людей» [54. С. 31].

Необходимость целостного знания о мире дополняется в русском космизме идеей о целостности всех слоев бытия. Одна из формулировок концепции всеединства («все отражается во всем») получила распространение в функционально-организационном подходе, предложенном А.А. Богдановым. Он заложил основы всеобщей организационной науки текстологии (1912), на долгие годы опередившей по силе обобщения и «кибернетику» Н. Винера, и «общую теорию систем» Л. Берталанфи, и «синергетику» Г. Хакена и И. Пригожина [8. С. 100]. Задачу текстологии А.А. Богданов видел в исследовании процессов организации и дезорганизации в их неразрывной связи во всех сферах — в природе, обществе, сфере духовного мира. Его подход был распространен на три уровня градации космизма: социокосмизм, биокосмизм и энергокосмизм. В наши дни попытки найти общий подход объединились под общим названием «синергетика».

Синергетика так же, как и космизм, имеет глубокие корни в истории человечества. Она наряду с герменевтикой призвана показать место и время, где следует постигать слово Божье: это «Философский камень», «Чаша Грааля», «Голубиная книга», «Тарот Трисмегист», «Тарот Аркан» и т.д. Сегодня это учение идет в названии «калагия», что означает «власть над временем». Это как бы возрождение от вечного сна к духовному воскрешению.

Вместе с тем синергетический подход используется в разных аспектах, и на основе данной методологии ведется много оригинальных исследований. В частности, это новая концепция — «синергетическая социология» В.П. Бранского [14].

Наука «синергетика» зародилась в 1960-х гг. в Америке. В нашей стране стали говорить и писать о ней в 1990-х гг., но обращать внимание на синергетические процессы в социуме начали сравнительно недавно.

В 1999 г. вышла книга В.П. Бранского «Искусство и философия». Общество рассматривается автором как диссипативная система. С позиций синергетики специфика этой системы состоит в том, что ее существование поддерживается за счет постоянного обмена со средой (природой и другими системами) веществом, энергией и информацией, а также в том, что она сочетает порядок с хаосом. Диссипация — это переход энергии упорядоченного движения в энергию хаотического Движения. Например, в физике: электрический ток переходит в тепловое хаотическое движение. Подобные состояния пронизывают все элементы общества (семью, предприятие, государство, экономику и т.д.), которые могут быть упорядоченными или беспорядочными, хаотическими (строй солдат и толпа на базаре). Общество не может существовать одновременно и без социального порядка, и без хаоса, оно — определенный синтез порядка и хаоса.

Особое состояние порядка и хаоса присуще всем элементам общества, коими

прежде всего выступают сами люди, общество в целом и его социальные системы (семья, институт как учебное заведение и как социальное образование, например институт права, и др.). Они представляют собой синтез порядка и хаоса. Отсюда следует, что современная социология (общая и отраслевая) должна учитывать новое понимание развития общества (и его элементов): «как процесс преодоления противоположности между порядком и хаосом» [14. С. 501].

В.П. Бранский в синергетическом аспекте предлагает решение кардинальных социологических проблем научного предвидения будущего, социального отбора, а также использование оригинального подхода к социологии искусства, что значительно обогащает социологическую теорию.

Исходя из задач нашего исследования, обратим внимание на то, что синергетика — это уникальное и универсальное явление культуры. Исторически она, как и герменевтика, призвана открыть в человеке человеческое. В герменевтическом аспекте интересна «Синергетика» А. Наумкина, в которой он пишет, что синергетика была «явлена... не с той целью, чтобы превратиться в самостоятельное Учение; она призвана прежде всего вызвать пламенную реакцию умов на прочитанное и пробуждение в их Сознании Единого 0-Теоса... Вспышки воспламеняющихся умов, читающих «Синергетику», будут замечены Им. И люд¹ реагирующие на текст «Синергетики», истинно верующие Хри-0-Теоса, воплощение которого на Земле всемирно известно под именем Иисуса Христа, могут обрести непосредственно от Него необходимые сведения руководства к эволюционному Акту Самореализации»² [76. С. 3].

Следует отметить и универсологию В.А. Полякова [891. Сегодня это уже «международная научная школа Универсологии» с системой непрерывного образования. Разработаны учебные программы, изданы десятки книг, учебных пособий.

Современная социология поистине стоит на пороге смены своей кардинальной парадигмы. Включение Универсальных принципов и исследование социума — это явное свидетельство нового миропонимания [77. С. 516-517].

Рациональный разум стремится к академической сложности. Суть истинного понимания, как это ни странно, — в его очевидной простоте. Люди находятся на пути к этому

«Человек стоял на распутье и со всех сторон слышал разные голоса: будь равнодушен к печальям и радостям жизни погрузись в спокойное созерцание — говорили буддисты и стоики; живи согласно природе, как все существа, — учили Киники и эпикурейцы; счастье в знании и размышлении — возражали им философы-естествоиспытатели; очищай себя тайными обрядами, и обретешь бессмертие — уверяли наставники мистерий; храни верность единому Богу и соблюдай Его закон — возвещала религия Израиля; а римский орел, высматривая добычу, парил над этим водоворотом духа, где, как в первозданном хаосе смешались противоборствующие начала.

Время от времени оживала надежда, что появится тот, кто выведет мир из лабиринта. Поэт Вергилий предсказывал рождение младенца, с которого начнется новая Сатурнова эра. Буддисты ждали Будду Майтрею, индуисты - очередное воплощение бога Вишну, персы - Спасителя-Саошианта, иудеи - Мессию...» [73. С. 16]. (А. Наумкин поясняет, что «0-Теос» - это «всеохватывающая сфера изъясненного», «0-Тец» — «ближняя постижимая сфера изъясненного». «Иисус Христос», или Хри-0-Теос», означает «соединяющий-собой-все-сферы-изъяснённого»; и Он есть слово Божие, слово произнесенное, логос, за всеми могуществами которого скрывается произносящее, вечное и неизменное, имя которому — «пространство» [76 С 51)

Учитывая многообразие современных подходов к проблеме верификации,

думается, следует обратиться к истокам философской мудрости.

Ключевые позиции в развитии этой проблемы занимали Аристотель, И. Кант и В.С. Соловьев. Так, Аристотель, классифицировав и обобщив методы познания в науке, создал учение о формах постигающего истину мышления, т.е. логику. Разум человека рассматривался им как особый механизм. Лишь применение законов логики позволяет человеку приблизиться к истине. По Аристотелю, для применения на уки логики необходимо опираться на непреходящее бытие. Истина - высшая форма бытия. Человек, постигая истину, приближается к совершенному бытию.

В дальнейшем историческом развитии учение Аристотеля, стало источником для создания многочисленных школ и направлений. После опубликования трудов И. Канта достаточно ясно вырисовывается следующее направление философской мысли: истина носит «субъективный» характер, основное внимание при исследовании проблемы истины следует уделять познанию самого человека, законов его разума. Как достаточно убедительно показано Кантом, не может существовать всеобщего критерия истины. Все, чем располагает человек (и в этом Кант соглашается с Аристотелем), - это формальные законы, логики. Но Кант утверждает, что такие законы строятся на основании априорных форм рассудка. Им впервые было устранено! противоречие, заведшее в тупик философию того времени. Являются ли человеческие знания продуктом чувственного восприятия или же это - плоды умственной деятельности? Предложенная Кантом концепция постижения человеком окружающего мира на основании априорных форм рассудка позволила выйти из указанного тупика. В дальнейшем практически любое исследование в данной области так или иначе опиралось на разработанную Кантом теорию. Например, воззрения В.С. Соловьева, русского философа, нравственно-религиозная направленность которых заставляет рассматривать те же проблемы с несколько иной точки зрения. По Соловьеву, знание возможно лишь потому, что чувственность выражается априорными формами рассудка. Но априорные формы рассудка трактуются у Канта как исключительное достояние человеческого субъекта, а у Соловьева они являются объективно существующими идеями.

Конечно, «вещи в себе» существуют и у Канта, и у Соловьева: они изливаются в конкретный чувственный опыт человека и его оформляют. Как считает Соловьев, разум требуется для завершения и полноты знания и понимания, но идеи разума даются человеку интуитивно. Истина, по В.С. Соловьеву, возможна только в том случае, если признавать действительность, беря ее целиком, т.е. максимально обобщенно и максимально конкретно. Это значит, что истина есть сущее, взятое и в своем абсолютном единстве, и в своей абсолютной множественности. Другими словами, истина есть сущее всеединое, что созвучно идеям космизма.

Таким образом, исследование Аристотелем формальных «объективных» законов мышления привело к созданию науки логики, остающейся неизменной и по сей день. И. Кант, обративший внимание на законы и формы постигающего истину мышления, пришел к идее непознаваемости «вещей в себе», невозможности дать всеобщий критерий истины. Наконец, последним из рассматриваемых нами философов — В.С. Соловьевым, была сделана попытка взглянуть на проблему истины с нравственных позиций. Принцип всеединства устраняет кантовскую непознаваемость «вещей в себе» и, связывая человека со всей Вселенной, открывает ему безграничные просторы познания.

Категория «понимание» используется как в естественных науках, так и в гуманитарных. Задача — понять то, что познается, поэтому в каждой науке наряду с общеметодологическими есть и свои специфические принципы понимания. Целый ряд теоретических и прикладных дисциплин не только изучает эту проблему, но и осознает актуальную необходимость ее решения. Так, в конце 1980-х гг. отечественные исследователи приняли активное участие в обсуждении данной

проблемы [31; 90; 93]. Высветились две основные концепции понимания, сложившиеся в нашей литературе. Одна из них определяется как усвоение смысла, другая — как приписывание смысла. Такого рода противоречие порождает необходимость синтеза, предпринятого при анализе истории герменевтических направлений [70]. В русле их становления можно подойти к решению рассматриваемой проблемы.

Так поступают участники дискуссий, прослеживая исторические периоды от Платона через Ф. Шлейермахера и В. Дильтея до Х.-Г. Гадамера. При этом обращают внимание на то, что понимание — это проблема метода гуманитарного познания. Как важная процедура эмпирического исследования, понимание стало необходимым моментом при использовании переводов. Из герменевтики как дисциплины теологической в новое время родилась герменевтика как дисциплина историческая.

О понимании говорят в проблемных ситуациях, не только научных, но и жизненно-практических: при изучении и сравнительном анализе цивилизаций и культур разных типов, при истолковании опыта прошлого, при взаимодействии культур, при выявлении смысла деятельности, при оценке происходящих событий, при анализе конкретно-исторических, субъективных и ценностных аспектов человеческой деятельности, при осмыслении фактов обыденной жизни.

Проблема понимания тесно связана с проблемой человеческого бытия. В отличие от знаний, дающих новую информацию о каком-либо явлении, понимание характеризуется отношением к самому знанию. При этом одна из задач заключается в сохранении целостности объекта исследования. Необходимо, чтобы при воспроизведении его в абстрактно-логических формах, при всех его «аналитических разъятиях», характерных для научного познания, не утратить его бытия; чтобы не получилась эстетика без искусства, физика без реального мира природы, личность без человека, социальное знание без социальной реальности.

Сформулированная задача начала определяться, когда «объясняющая» рационалистическая философия стала использовать в качестве критерия бытийности нашего «Я» декартовский принцип *Cogito, ergo sum*, интерпретируемый соответственно уровню понимания того времени. Мышление, знание, сознание (как совместное знание) в совокупности с информацией приобретают статус духовности. В миропонимании, таким образом, укореняется принцип рациональности, не только не способствующий целостному восприятию мира, но и разделяющий реальности человеческого бытия и сознания.

Этому активно противостоят экзистенциализм, утверждающий абсолютную уникальность человеческого бытия, философия жизни с ее интерпретацией в биологическом (Ф. Ницше), космологическом (А. Бергсон) и культурно-историческом (В. Дильтей, Г. Зиммель, О. Шпенглер) планах, а также герменевтико-феноменологические направления, ориентированные не на познание, а на понимание бытия.

Разрабатывая оригинальные идеи в гуманитарно-личностном познании, методологическая линия, идущая от Ф. Шлейермахера, В. Дильтея, Э. Гуссерля, позднего Л. Витгенштейна, критикуя объективно-социологическое знание, уходит в другую крайность, разделяя знания наук о природе и науки о духе.

Мы уже отмечали в другом контексте, что в естественных науках начала XX в. в связи с открытием микромира, теории относительности появляются идеи целостного восприятия мира. Они связаны с возрастанием роли субъекта в познании и осознанием того, что приходится учитывать человеческие качества, влияющие не только на построение естественнонаучной теории, но и на способ включения познающего субъекта в эксперимент. При этом следует согласиться с оригинальным утверждением В.А. Кутырева, что в процессе изучения природы человека в тепловое

хаотическое движение. Подобные состояния пронизывают все элементы общества (семью, предприятие, государство, экономику и т.д.), которые могут быть упорядоченными или беспорядочными, хаотичными (строй солдат и толпа на базаре). Общество не может существовать одновременно и без социального порядка, и без хаоса, оно — определенный синтез порядка и хаоса.

Особое состояние порядка и хаоса присуще всем элементам общества, коими прежде всего выступают сами люди, общество в целом и его социальные системы (семья, институт как учебное заведение и как социальное образование, например институт права, и др.). Они представляют собой синтез порядка и хаоса. Отсюда следует, что современная социология (общая и отраслевая) должна учитывать новое понимание развития общества (и его элементов): «как процесс преодоления противоположности между порядком и хаосом» [14. С. 501].

В.П. Бранский в синергетическом аспекте предлагает решение кардинальных социологических проблем научного предвидения будущего, социального отбора, а также использование оригинального подхода к социологии искусства, что значительно обогащает социологическую теорию.

Исходя из задач нашего исследования, обратим внимание на то, что синергетика — это уникальное и универсальное явление культуры. Исторически она, как и герменевтика, призвана открыть в человеке человеческое. В герменевтическом аспекте интересна «Синергетика» А. Наумкина, в которой он пишет, что синергетика была «явлена... не с той целью, чтобы превратиться в самостоятельное Учение; она призвана прежде всего вызвать пламенную реакцию умов на прочитанное и пробуждение в их Сознании Единого О-Теоса... Вспышки воспламеняющихся умов, читающих «Синергетику», будут замечены Им. И люди, реагирующие на текст «Синергетики», истинно верующие в Хри-О-Теоса, воплощение которого на Земле всемирно известно под именем Иисуса Христа, могут обрести непосредственно от Него необходимые сведения руководства к эволюционному Акту Самореализации»² [76. С. 3].

Следует отметить и универсологию В.А. Полякова [89]. Сегодня это уже «международная научная школа универсологии» с системой непрерывного образования. Разработаны учебные программы, изданы десятки книг, учебных пособий.

Современная социология поистине стоит на пороге смены своей кардинальной парадигмы. Включение универсальных принципов и исследование социума — это явное свидетельство нового миропонимания [77. С. 516-517].

Рациональный разум стремится к академической сложности. Суть истинного понимания, как это ни странно, — в его очевидной простоте. Люди находятся на пути к этому.

«Человек стоял на распутье и со всех сторон слышал разные голоса: будь равнодушен к печалям и радостям жизни, погрузись в спокойное созерцание — говорили буддисты и стоики; живи согласно природе, как все существа, — учили киники и эпикурейцы; счастье в знании и размышлении — возражали им философы-естествоиспытатели; очищай себя тайными обрядами, и обретешь бессмертие — уверяли наставники мистерий; храни верность единому Богу и соблюдай Его закон — возвещала религия Израиля; а римский орел, высматривая добычу, парил над этим водоворотом духа, где, как в первозданном хаосе, смещались противоборствующие начала.

Время от времени оживала надежда, что появится тот, кто выведет мир из лабиринта. Поэт Вергилий предсказывал рождение младенца, с которого начнется новая Сатурнова эра. Буддисты ждали Будду Майтрею, индуисты — очередное воплощение бога Вишну, персы — Спасителя-Саошианта, иудеи -Мессию...» [73. С. 16]. (А. Наумкин поясняет, что «О-Теос» — это "всеохватывающая сфера

изъясненного", «О-Тец» — «ближняя постижимая сфера изъясненного». «Иисус Христос», или Хри-О-Теос», означает «соединяющий-собой-все-сферы-изъясненного»; и Он есть Слово Божие, слово произнесенное, логос, за всеми могуществами которого скрывается произносящее, вечное и неизменное, имя которому — «пространство» [76. С. 5].

2.2. Проблема понимания и социологическая рефлексия

Противоречия современной жизни при возрастающем потоке различной информации в новом качестве высвечивают древнюю как мир и вместе с тем всегда актуальную проблему понимания. Она принадлежит к числу комплексных, и решение ее возможно лишь на путях синтеза различных определений.

Вся история человечества пронизана энергиями понимания или непонимания: яркие личности, приходящие в мир с неординарными способностями, — ученые, писатели, художники, композиторы, Великие непонятые современниками, оказывались жертвами собственного дара особого видения мира.

Достаточно сказать, что в каждой культуре заложены свои основы для понимания, свои принципы. Эта проблема давно привлекала внимание мыслителей разных эпох, но в теоретико-познавательном аспекте она обнаруживается, по мнению А.И. Ракитова, на пересечении философских установок немецкого романтизма и абсолютного рационализма (конец XVIII-нача-ло XIX). В немецком романтизме философская позиция, касающаяся теории познания, характеризуется исследователями как эпистемологический индивидуализм (от греч. episteme — знание), стремящийся к цельному пониманию индивидуальности, которое возможно только при согласовании науки и искусства.

Прямой противоположностью названному направлению является система Г. Гегеля. Для него понятие как продукт процесса понимания есть «...истина бытия и сущности». Это процесс самореализации духа. Язык же, по Гегелю, будучи произведением мысли, выражает всеобщее [23. С. 338, 114]. Таким образом, основные направления в познании сущности понимания сосредоточены на субъекте, вне его межличностных связей и отношений.

Концепция, разработанная Ф. Шлейермахером, уже связывает понимание с символической деятельностью социально организованного субъекта. Сегодня для многих не секрет, что понимание не тождественно знанию. Это, скорее всего, освоение знаний, их ассимиляция в обыденно-практических формах действительности или в формах уже понятого знания. К тому же субъект должен быть уверен в его истинности.

Проблема истинности знания, критериев, т.е. способов верификации истины, актуальна всегда. Мир познается человеком, и понимание его зависит от глубины и качества получаемых знаний. Познавая, мы неизбежно сталкиваемся с вопросом: является наше знание о мире истинным, соответствующим нашим выводам из весьма ограниченного опыта? Попытаемся взглянуть на человека и человечество с позиции возможности передачи знания друг другу, возможности человека исследовать явление и делать выводы. Под возможностью передавать знания мы понимаем некоторую совокупность элементарных действий, выражающих определенные мысли передающих, интерпретацию этих элементарных действий принимающим и создание у себя достаточно близких мыслей и образов с передающим субъектом, т.е. общение субъектов возможно лишь в «человеческих», социальных действиях, в понятиях, «придуманных» человеком (ограниченных чувствами). Интерпретация индивидуальных мыслей на «общечеловеческом» языке (устная речь, письменная и т.д.) приводит к потере и неточности ощущений. Таким образом, для понимания и осмысления мира и своего места в нем человеку

необходимо постоянно совершенствовать, расширять и уточнять используемые термины, категории.

Итак, изначально человеком может исследоваться окружающий мир, но лишь «отраженный», интерпретированный в человеческом сознании, в человеческих терминах и понятиях. Человечество неоднократно предпринимало попытки изучения и систематизации вопросов возникновения новых понятий, используя лишь «интуитивные» способности к постижению нового. Расширение смысла понятий возможно лишь в ходе исследования самого процесса их возникновения. Чем отчетливее человек будет видеть себя, чем глубже будет познание законов мышления, тем ярче и многообразнее будет казаться окружающий мир.

Учитывая многообразие современных подходов к проблеме верификации, думается, следует обратиться к истокам философской мудрости.

Ключевые позиции в развитии этой проблемы занимали Аристотель, И. Кант и В.С. Соловьев. Так, Аристотель, классифицировав и обобщив методы познания в науке, создал учение о формах постигающего истину мышления, т.е. логику. Разум человека рассматривался им как особый механизм. Лишь применение законов логики позволяет человеку приблизиться к истине. По Аристотелю, для применения науки логики необходимо опираться на непреходящее бытие. Истина — высшая форма бытия. Человек, постигая истину, приближается к совершенному бытию.

В дальнейшем историческом развитии учение Аристотеля стало источником для создания многочисленных школ и направлений. После опубликования трудов И. Канта достаточно ясно вырисовывается следующее направление философской мысли: истина носит «субъективный» характер, основное внимание при исследовании проблемы истины следует уделять познанию самого человека, законов его разума. Как достаточно убедительно показано Кантом, не может существовать всеобщего критерия истины. Все, чем располагает человек (и в этом Кант соглашается с Аристотелем), — это формальные законы логики. Но Кант утверждает, что такие законы строятся на основании априорных форм рассудка. Им впервые было устранено противоречие, заведшее в тупик философию того времени. Являются ли человеческие знания продуктом чувственного восприятия или же это — плоды умственной деятельности? Предложенная Кантом концепция постижения человеком окружающего мира на основании априорных форм рассудка позволила выйти из указанного тупика. В дальнейшем практически любое исследование в данной области так или иначе опиралось на разработанную Кантом теорию. Например, воззрения В.С. Соловьева, русского философа, нравственно-религиозная направленность которых заставляет рассматривать те же проблемы с несколько иной точки зрения. По Соловьеву, знание возможно лишь потому, что чувственность выражается априорными формами рассудка. Но априорные формы рассудка трактуются у Канта как исключительное достояние человеческого субъекта, а у Соловьева они являются объективно существующими идеями.

Конечно, «вещи в себе» существуют и у Канта, и у Соловьева: они изливаются в конкретный чувственный опыт человека и его оформляют. Как считает Соловьев, разум требуется для завершения и полноты знания и понимания, но идеи разума даются человеку интуитивно. Истина, по В.С. Соловьеву, возможна только в том случае, если признавать действительность, беря ее целиком, т.е. максимально обобщенно и максимально конкретно. Это значит, что истина есть сущее, взятое и в своем абсолютном единстве, и в своей абсолютной множественности. Другими словами, истина есть сущее всеединое, что созвучно идеям космизма.

Таким образом, исследование Аристотелем формальных «объективных» законов мышления привело к созданию науки логики, остающейся неизменной и по сей день. И. Кант, обративший внимание на законы и формы постигающего истину мышления, пришел к идее непознаваемости «вещей в себе», невозможности дать всеобщий

критерий истины. Наконец, последним из рассматриваемых нами философов — В.С. Соловьевым, была сделана попытка взглянуть на проблему истины с нравственных позиций. Принцип всеединства устраняет кантовскую непознаваемость «вещей в себе» и, связывая человека со всей Вселенной, открывает ему безграничные просторы познания.

Категория «понимание» используется как в естественных науках, так и в гуманитарных. Задача — понять то, что познается, поэтому в каждой науке наряду с общеметодологическими есть и свои специфические принципы понимания. Целый ряд теоретических и прикладных дисциплин не только изучает эту проблему, но и осознает актуальную необходимость ее решения. Так, в конце 1980-х гг. отечественные исследователи приняли активное участие в обсуждении данной проблемы [31; 90; 93]. Высветились две основные концепции понимания, сложившиеся в нашей литературе. Одна из них определяется как усвоение смысла, другая — как приписывание смысла. Такого рода противоречие порождает необходимость синтеза, предпринятого при анализе истории герменевтических направлений [70]. В русле их становления можно подойти к решению рассматриваемой проблемы.

Так поступают участники дискуссий, прослеживая исторические периоды от Платона через Ф. Шлейермахера и В. Дильтея до Х.-Г. Гадамера. При этом обращают внимание на то, что понимание — это проблема метода гуманитарного познания. Как важная процедура эмпирического исследования, понимание стало необходимым моментом при использовании переводов. Из герменевтики как дисциплины теологической в новое время родилась герменевтика как дисциплина историческая.

О понимании говорят в проблемных ситуациях, не только научных, но и жизненно-практических: при изучении и сравнительном анализе цивилизаций и культур разных типов, при истолковании опыта прошлого, при взаимодействии культур, при выявлении смысла деятельности, при оценке происходящих событий, при анализе конкретно-исторических, субъективных и ценностных аспектов человеческой деятельности, при осмыслении фактов обыденной жизни.

Проблема понимания тесно связана с проблемой человеческого бытия. В отличие от знаний, дающих новую информацию о каком-либо явлении, понимание характеризуется отношением к самому знанию. При этом одна из задач заключается в сохранении целостности объекта исследования. Необходимо, чтобы при воспроизведении его в абстрактно-логических формах, при всех знаниях, не утратить его бытия; чтобы не получилась эстетика без искусства, физика — без реального мира природы, личность без человека, социальное знание без социальной реальности.

Сформулированная задача начала определяться, когда «объясняющая» рационалистическая философия стала использовать в качестве критерия бытийности нашего «Я» декартовский принцип *Cogito, ergo sum*, интерпретируемый соответственно уровню понимания того времени. Мышление, знание, сознание (как совместное знание) в совокупности с информацией приобретают статус духовности. В миропонимании, таким образом, укореняется принцип рациональности, не только не способствующий целостному восприятию мира, но и разделяющий реальности человеческого бытия и сознания.

Этому активно противостоят экзистенциализм, утверждающий абсолютную уникальность человеческого бытия, философия жизни с ее интерпретацией в биологическом (Ф. Ницше), космологическом (А. Бергсон) и культурно-историческом (В. Дильтей, Г. Зиммель, О. Шпенглер) планах, а также герменевтико-феноменологические направления, ориентированные не на познание, а на понимание бытия.

Разрабатывая оригинальные идеи в гуманитарно-личностном познании, методологическая линия, идущая от Ф. Шлейермахера, В. Дильтея, Э. Гуссерля, позднего Л. Витгенштейна, критикуя объективно-социологическое знание, уходит в другую крайность, разделяя знания наук о природе и науки о духе.

Мы уже отмечали в другом контексте, что в естественных науках начала XX в. в связи с открытием микромира, теории относительности появляются идеи целостного восприятия мира. Они связаны с возрастанием роли субъекта в познании и осознанием того, что приходится учитывать человеческие качества, влияющие не только на построение естественнонаучной теории, но и на способ включения познающего субъекта в эксперимент. При этом следует согласиться с оригинальным утверждением В.А. Кутырева, что в процессе изучения природы человек выступает как познающий субъект, в изучении же общества он и субъект, и объект одновременно. «Эту специфику, — отмечал автор, — нельзя учесть лишь внося поправку на возмущающее влияние субъекта. Для адекватного понимания социальной действительности наряду с выявлением социологических законов нужна особая человеческая проекция, при этом обе проекции должны совмещаться друг с другом» [62. С. 109].

И вновь сошлемся на В.А. Кутырева, рассматривавшего проблему понимания в контексте глубоких противоречий современной эпохи. По мнению автора, ситуация с пониманием является «типичным примером амбивалентного состояния современной духовности. С одной стороны, в ней прослеживается стремление сохранить целостность человеческого духа, предотвратить его превращение в чистую "знательность", в информацию — и спасение видится в переходе от познания к пониманию, а с другой, понимание начинает подменять генетически более фундаментальные пласты человеческого бытия — чувственность, переживание, душу» [61. С. 148].

Вполне правомерен вопрос о том, почему так обострился интерес к пониманию: в течение последующего столетия возникло немало различных направлений, интерпретирующих эту проблему наряду с теорией познания. Ответом на этот вопрос являются существенные противоречия современной жизни с постоянно возрастающей лавиной информации, которую человек использует прагматически, не имея возможности в ритме социального бытия увидеть, а тем более понять ее смыслосложившее значение.

Сегодня существует, казалось бы, достаточное количество определений категории «понимание». Так, С.С. Гусев и ГЛ. Тульчинский в своей работе «Проблема понимания в философии» рассматривают его как осмысление, как духовно-практическое освоение действительности, соотносят понимание с такими феноменами, как знание, научное объяснение. Авторы анализируют широкий спектр определений данной категории [31. С. 37]. По этому поводу небезынтересно замечание В.Н. Поруса: «Хотя по проблеме понимания высказываются многие, вряд ли можно с уверенностью считать, что во всех случаях речь идет об одной и той же проблеме. Значительный разнобой наблюдается уже в начальных формулировках и определениях, споры часто заходят в тупик из-за того, что их участники, не прислушиваясь друг к другу, говорят о различных вещах. Кажется, пришло время понять хотя бы то, что же именно мы называем пониманием» [91. С. 257].

Действительно, когда неясна проблема, есть соблазн обратиться к ее истории. С историей проблемы, как мы уже отмечали, неизменно связано имя такой личности, как Ф. Шлейермахер. Современник Г. Гегеля, он был одним из основателей Берлинского университета, одним из первых его ректоров. Это выдающийся общественный деятель своего времени, известный богослов, философ и филолог. Один из современников назвал его «гением жизни». Он не мог не заинтересоваться проблемой понимания и, соответственно, герменевтикой, разработав ее как

теоретическую систему. Предметом герменевтики Шлейермахер считал прежде всего тексты, являющиеся памятниками, поскольку они значительно отделены от исследователя временной, исторической, культурной, языковой дистанциями. Памятники обычно принадлежат далекой исследовательской культуре, и, чтобы проникнуть в смысл, необходимо устранить барьеры. Поэтому нужно переводить, интерпретировать, комментировать тексты, чем и должна заниматься герменевтика. Она необходима там, где есть ситуация непонимания. Шлейермахер и определял герменевтику как искусство понимания, а не искусство интерпретации понятого.

Сами тексты предстают перед исследователем как «застывшая речь», которая имеет объективную и субъективную стороны. Объективная сторона — предмет грамматической интерпретации, при этом мы выясняем отношение к языку как к объективному основанию. Субъективную же сторону памятника мы исследуем при помощи психологической интерпретации, относясь к речи как к некоторой производной от ее инициатора [55. С. 64-75].

Для более полного уяснения сказанного позволим себе обратиться к примеру понимания и интерпретации текста. Несколько лет назад в «Неделе» было опубликовано стихотворение П. Шелли, английского поэта-романтика, под названием «К...» в двух переводах — К. Бальмонта и Б. Пастернака. Было предложено читателям сделать собственный перевод. Редакция получила 673 варианта. Для сравнения — перевод Б. Пастернака.

«К...»

Опошлено слово одно
И стало рутиной,
Над искренностью давно
Смеются в гостинной.
Надежда и самообман -
Два сходных недуга.
Единственный мир без румян -
Участие друга.
Любви я в ответ не прошу,
Но тем беззаветней
По-прежнему произношу
Обет долголетний.

Так бабочку тянет в костер
И полночь к рассвету,
И так заставляя простор
Кружиться планету.

И несколько вариантов перевода читателей газеты. В. Кирюшкин из Саратова считает, что смысл стихотворения Шелли проще и яснее:

Надежда, что душу томит
С отчаяньем схожа.
Участия вашего миг
Всей жизни дороже.

Н. Бабич из Днепродзержинска:
Между нами нет любви,
Между нами неизбежность.
Та, что рушит цепи гор,
Что судьбу опережает,
Мотылька несет в костер
И тебя со мной сближает.

Победа досталась Р. Боброву, инженеру, владеющему несколькими иностранными языками:

Есть слово, как стертый пятак,
И молвить не смею.
Есть чувство — осмеяно так,
Что молкну, немею.
Надежда своей слепотой
С отчаяньем схожа:
О, был бы я понят тобой,
А ты — всех дороже!
Привычной любви я не дам,
Но ты не отринешь
Поклоненье, какое богам
Воздавали одним лишь.
Порыва к звезде мотылька
И ночи к рассвету,
Призыва издалека,
Что внятен поэту?

Каждый из авторов перевода видит свой образ, использует собственные понятия. Воспринимая культурно-исторический памятник — текст, автор перевода открывает, таким образом, свое субъективное видение мира, свою душу. Вместе с тем здесь проявляется и то, о чем пишет Ф. Шлейермахер, — объективное основание: наряду с интимно своим, созвучным с духовным канонам поэта, переводчик исходит из объективного основания — текста в его исторически конкретной данности.

Понимание, с точки зрения Шлейермахера, обеспечивается «взаимодействием этих моментов». Именно моментов, а не различных видов интерпретаций. Выдвигая принцип «лучшего понимания» (понять текст и его автора лучше, чем сам автор понимал себя и свой собственный текст), Шлейермахер не давал глубокого обоснования, но многие исследователи, в том числе В. Дильтей, Х.-Г. Гадамер, усмотрели здесь наличие бессознательного, которое существенным образом влияет на процесс понимания: при использовании родного языка автор не всегда осознает собственный текст. Это необходимо иметь в виду при социальном познании.

Уроки тернистого пути становления герменевтики, как и теории социального познания в целом, приводят человека к необходимости понимания ситуации, когда он, не в силах «переварить» информацию, становится неспособным адекватно воспринимать реальность. Нужен качественный сдвиг в способе ее освоения.

Рационально мыслящий человек, как правило, с трудом усваивает основы парадоксального поведения, которое иногда позволяет найти выход из критической ситуации. В качестве примера вспомним рассказ Э. Сетон-Томпсона «Тито» о маленькой самке койота. За Тито гнались борзые. «Через минуту собаки должны были настичь ее и разорвать. Но вдруг Тито остановилась, повернулась и пошла навстречу собакам, приветливо помахивая хвостом. Борзые особенные собаки. Они готовы догнать и растерзать всякого, кто бежит от них. Но тот, кто не убегает и спокойно глядит им в глаза, сразу перестает быть для них врагом. Так и случилось теперь. Разогнавшись, борзые промчались мимо Тито, но сейчас же вернулись смущенные... Борзые отказывались нападать на зверя, который вилял хвостом и не желал убегать...» [96. С. 271].

Что можно увидеть в приведенном примере, кроме случая парадоксальной, на первый взгляд, ситуации? Может быть, человеку, как тому зверьку, важно иногда

остановиться в головокружительной гонке бытия, осмотреться и ощутить мгновение, воплотившее в себе вечность... Понимание не рождается в суете.

Динамика социальных процессов, ритмы нового времени вызывают необходимость пересмотра кардинальных проблем, одной из которых по-прежнему является проблема понимания.

«Насколько и как мир природы замещается миром культуры, — писал В.А. Кутырев, — настолько и так познание распадается на: 1) информацию и чистый теоретизм, проектно-техническую деятельность; 2) понимание. Это методологический коррелят распада естествознания на технологию и экологию, обществознания - на социологию и гуманистику... Теперь, как ни грустно, надо расстаться с иллюзией, что обладание информацией тождественно знанию, а знание тождественно пониманию и мудрости» [61. С. 151].

Современная ситуация, обозначенная автором, действительно требует того, чтобы признать ее герменевтической и на основании изложенного определить сущностные аспекты проблемы.

Во-первых, понимание — это не только постижение смысла, это духовно-практическое освоение действительности, своеобразный способ бытия.

Во-вторых, необходимо соотносить такие понятия, как знание, истина и понимание. Знание в основе своей связано с наличием информации; истина при многообразном толковании (существует, как минимум, пять направлений в определении этого понятия) с точки зрения этимологии слова звучит как «есть оно», что соответствует адекватному отражению реальности в сознании субъекта. «Понимание» этимологически связано с «имаю», понимать — предлагать сделать своим. «Имение» связано с «умением», практическим знанием. В числе лексико-семантических вариантов слова «понимать» В. Даль указывает такие, как «взять», «ухватить», «поймать».

В-третьих, открыты способы верификации, критерии «правильного» понимания. Это, как видим, невероятно сложно — учесть все аспекты: предмет понимания, представленный емким понятием «текст», субъект с его духовным потенциалом (чтобы реализовался принцип конгениальности), особенности времени и пространства, эмоционального настроения и т.д.

Причем осознание принципиальной незавершенности, изменчивости, противоречивости процесса понимания требует выявления типологии, классификации, а также анализа процедур, задающих структуру понимания. Эту задачу в известных пределах решает А.И. Ракитов. Обращая внимание на то, что если «структура понятия может быть адекватно описана в терминах логики, то структура понимания, по мнению Канта, немислима без учета внелогических, то есть психологических, социокультурных, лингвистических процедур» [93. С. 67].

Логический подход, считает Ракитов, оказывается слишком слабым и должен быть дополнен рядом психологических и социальных процедур, таких как креация, конструирование, конверсия, контекстуализация, демонстрация и противоположные им действия. Учет и анализ этих процедур может быть эффективным при использовании, а значит, и уяснении категории «рефлексия».

Термин «рефлексия» взят из старой традиции, в которой существовало деление на сознание и объекты, а основным источником знания считалось восприятие (внешнее — аффикация, и внутреннее — рефлексия). Причем отмечалось особое свойство рефлексии: она принадлежит сознанию и в то же время не принадлежит, поскольку может представить его как объект. При дискуссии о возможностях теории познания, в которой рефлексивный аспект необходим, были ссылки на то, что создание ее адекватно тому, чтобы увидеть себя из окна идущим по улице либо утопающему вытащить самого себя за волосы.

Словарь иностранных слов определяет понятие рефлексия (от лат. reflexio —

отражение) как размышление; анализ собственных мыслей и переживаний; размышление, полное сомнений и колебаний. По Э. Гуссерлю — это название для актов, в которых поток переживаний со всеми его разнородными событиями становится ясно постигаемым и анализируемым. У И. Канта рефлексия — это состояние души, которое позволяет найти источники познания и соотнести представления с найденным. По его мнению, все суждения нуждаются в рефлексии. Он предлагал назвать дисциплину о деятельности рефлексии «трансцендентальной топикой». У И. Фихте рефлексия связывается со свободой. Поскольку знание есть свобода, субъект познания «не прикреплен» к объекту, а как бы парит над ним.

Анализируя различные подходы к определению рассматриваемой категории в исследовании мистического познания, научного и познания рефлексивного, А.А. Яковлев отмечает, что рефлексия — это «иллюминация. Она не имеет общезначимого характера. Рефлексия у разных людей происходит по-разному, в зависимости от их природных данных, воспитания и образования, места и времени осуществления и массы других вещей. И среди этих факторов важную роль играет философия как саморефлексия» [118. С. 95]. И далее автор предполагает, что XXI век будет веком именно рефлексивного мышления. Этот век уже наступил, и вполне очевидна потребность в таком мышлении, хотя смысл самой рефлексии остается по-прежнему нераспознанным и неуловимым.

Г.И. Богин считает рефлексией важным компонентом субъективного отражения действительности и цитирует определение Дж. Локка: «Рефлексия — это наблюдение, которому ум подвергает свою деятельность, и способ ее проявления». За последние три сотни лет, как отмечает Богин, лучше никто не сказал [10. С. 16].

«Перевыражение» рефлексии, адресованное кому-либо, называется интерпретацией. Своеобразную интерпретацию рефлексии в соотношении с пониманием дает Т.Н. Снитко. «Рефлексивность — сущностная характеристика понимания, отличающая его, с одной стороны, от познания и, с другой стороны, от мышления, мыследеятельности, интерпретации как особых организованности рефлексии.

Познание осуществляется в рамках субъективно-объективной парадигмы, и человек (познающий субъект) смотрит на мир как на объект. В понимании же человек смотрит на себя, смотрящего на мир, а мир есть отражение самого себя. Отсюда и рефлексивность действительного мира человека, "понимающая" его организация» [99. С. 21].

Понимание человеком собственной сущности может происходить в процессе обучения, формой которого является диалог. Пример беседы Цзыся с Конфуцием:

«— Что Вы скажете о Янь Хуэе как о человеке?

— Хуэй превосходит меня в человечности, — ответил Учитель.

— А что Вы скажете о Цзычуне?

— Сы превосходит меня в красноречии, — ответил Учитель.

— А что Вы скажете о Цзылу?

— Ю превосходит меня в смелости, — ответил Учитель.

— А что Вы скажете о Цзыяжане?

— Ши превосходит меня в твердости, — ответил Учитель.

— Если так, почему же все они служат Вам, Учитель, — спросил Цзыся, поднявшись с циновки.

— Сядь, — сказал Конфуций. — Я расскажу тебе. Сы может быть красноречивым, но не умеет запинаться. Ши может быть твердым, но не умеет уступать. Ю может быть смелым, но не умеет робеть. Я не согласился бы обменять все их достоинства на свои. Вот почему они и служат мне беспрекословно...» [110. С. 33].

Диалог с Учителем как объект герменевтического анализа открывает возможность

увидеть несколько аспектов. Прежде всего то, что связано с содержанием диалога:

- обучение технике понимания (от Учителя к ученику);
- мыследеятельность ученика, постижение смысла в ходе диалога.

Основой акта понимания является рефлексия. С этой позиции можно анализировать конкретные вопросы и ответы участников диалога, предполагая их жизненный опыт, объем информации, установки, нравственные принципы и т.д.

Вместе с тем приведенный пример может служить своеобразным тестом на рефлексивную способность читающего эти строки. Позволим себе задать такой вопрос: «А что Вы увидели в этом тексте?»

Учитывая, что рефлексия — это сосредоточенность на тех связях, которые обнаруживаются между ситуацией, изображенной в тексте, и теми ситуациями, которые имеются в опыте читающего (субъекта познания), можно предположить немало интересных ответов. И каждый из них будет рефлексивным. Если читающий эти строки владеет основами социологического знания, то, безусловно, он обнаружит в примере ряд аспектов, отражающих актуальные проблемы социологии. К тому же, если Вы прочитали и приняли приведенное нами в предыдущем разделе положение о социокультурной парадигме, то рефлексия существенно дополнится. Использование при этом герменевтических принципов позволит по-новому увидеть текст, может быть, даже вызвать определенные эмоции.

Здесь в качестве авторитета, думается, можно сослаться на Дж. Локка, который в человеческом опыте различал два источника: ощущения и рефлексию. Под рефлексией он понимал идеи, отражающие внутреннюю деятельность души. Главный акцент Локк делал на сознании, что связывалось с ощущением и пониманием человеком себя как личности, обладающей желанием, волей, способностями. Но человек, пребывающий в разных ситуациях и состояниях, в которых сознание фиксирует несоответствие самому себе, осмысливает его с точки зрения другой «интенции», т.е. разума. Такое состояние Локк и называл рефлексией. Рефлексия как «отражение», «отклонение», т.е. перенос осознаваемой внутренней деятельности души в иную сферу — разумную. Роль рефлексии, по Локку, — обеспечивать веру, познание, воспоминание [66]. Это своего рода саморефлексия, своеобразная интерпретация собственных духовных состояний.

Глагол «интерпретировать» и его эквиваленты в европейских языках имеют значения «объяснять», «переводить», т.е. предполагают диалогичность. Идея диалогичности, как мы уже отмечали, была выделена Ф. Шлейермахером в качестве ключевой для герменевтики. М.М. Бахтин, «русский Фрейд», как его называли на Западе, высоко оценивая работы по психоанализу, детально разработал проблему диалогичности в литературоведении.

Центральная идея Бахтина состоит в том, что диалог — основа взаимопонимания людей, их духовного единения. Человек должен научиться понимать другого, оставаясь самим собой. Бахтин показал, что каждый литературный текст есть звено в общей цепи культуры и помимо голоса автора в нем звучат отголоски многих других голосов. Полифония романа — это не только диалоги персонажей и диалог автора с читателями, но и разговор со многими современниками и предшественниками, которые принимают форму цитат, аллюзий, реминисценций или вставных текстов [4].

Обращение к идеям Дж. Локка и М.М. Бахтина дает основание вернуться (использовав принцип герменевтического круга) к диалогу с Учителем и вновь увидеть текст, рефлексивный новыми гранями.

Переход от языкового понимания к смыслу, к рефлексии и интерпретации создает трудности для исследователя. С аналогичными проблемами встречается любой человек, постигающий премудрости той или иной науки. Процесс понимания, тем более рефлексии, зависит от многих уже названных обстоятельств.

Герменевтическая ситуация, т.е. ситуация непонимания, может возникнуть и оттого, что мыслящий субъект просто не догадывается о том, что он далек от понимания.

Техника саморефлексии для современного образования, ориентированного на определенные ценности, — непозволительная роскошь. В этой технике используются принципы герменевтики, и в частности один из ключевых, неоднократно упоминаемый нами, — принцип герменевтического круга. Внимательный читатель, возможно, заметил, что этот принцип мы применяем в своей работе. О герменевтическом круге, думается, сложилось уже особое представление как о соотношении целого и его частей, о том, что понять часть можно лишь тогда, когда имеешь представление и знание целого, а целое выясняется относительно частей. Начало произведения понимается по-иному после прочтения его до конца. Часть содержит в себе имманентно присущее ей целое. Мысль познающего субъекта движется от догадки об общем смысле текста к анализу его частей, подтверждающему или опровергающему эту догадку и прибавляющему новые, более частные, смыслы. Последующее возвращение к целому уточняет интерпретацию и дает новое толкование частностям.

Понимание, таким образом, освобождается от эмоций, «озарений» и приближается к постижению смысла. Герменевтический круг представляет собой оригинальный способ «одновременно построить, противопоставить, сблизить и взаимоперевыразить противоположности. Эти противоположности, — пишет Г.И. Богин, — даны обучаемому как сопоставленные и противопоставленные "места" фиксации рефлексии» [11. С. 43]. Следует отметить, что указанный автор в отдельной работе рассматривает возможности герменевтического круга в понимании текста [9. С. 18-30].

Использование «круга» в понимании предполагает не разрыв, а вхождение в него. Это то, что мы назвали инклюзивным мышлением: субъект познания как бы изнутри исследует событие, «соучаствуя» в нем и понимая, что текст — открытая система: его смысл и ценность исторически подвижны и изменчивы. Никакое суждение о нем не может считаться абсолютным, окончательно познанным. Отметим, что в науке данный процесс коррелируется с диалектикой абсолютной и относительной истины при учете важного обстоятельства — корректности истины, а также конвенции относительного содержания используемых категорий, способов верификации и т.д. Поэтому, видимо, и говорили древние, что искусство нам дано для того, чтобы не умереть от истины.

Особенности процесса понимания, связанные с его циклическим характером, известны были еще в античной риторике и широко использовались. Текст саморефлексивен: познавательные способности исследователя обнаруживаются посредством текста его духовного мира. Это мы пытались показать на примере понимания диалога ученика с Учителем.

Чтобы понимать, надо эмоционально соответствовать тексту: в игривом состоянии нельзя читать трагедию. Вот почему рефлексивное понимание всегда улавливает то, что речь есть момент жизни говорящего. А это в герменевтике представлено текстом.

3. СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ И ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

3.1. Горизонты социологической рефлексии

Особенностью социологического познания является то, что оно, исходя из общесоциологической теории, направлено на конкретные состояния объективной и

субъективной реальности. Практическая социология имеет возможность исследовать такие отношения, которые происходят «здесь и сейчас», и выявлять их актуальный смысл. Основанием теоретической социологии традиционно считается система суждений о внутренних логико-гносеологических предпосылках адекватного понимания социальных процессов.

Ранее мы обращали внимание на то, что эффективность познания и понимания реальности связана не только с методами и технологией данного процесса, но и с тем, насколько субъект познания осознает и понимает степень своей причастности к исследуемому объекту.

Испанский философ, культуролог Х. Ортега-и-Гассет писал о том, что любая индивидуальность, будь то человек, народ, эпоха, — это орган, образованный ради понимания истины. И в таком плане ему нет замены: то, что видит одна жизнь, не может увидеть ни одна другая. Каждая жизнь, по мнению Ортега-и-Гассета, это точка зрения, обращенная ко Вселенной. Но вместе с тем с давнего времени часть людей видит мир прямым и ограниченным, другая же часть может видеть и то, что скрыто за линией, и то, что находится за пределами ограниченного человеческого взора.

Те, кто видят мир прямым и линейным, используют узкий сектор сознания, хотя порой и не обладают значительным количеством информации. Пока человек скован границами пространственно-временной сферы, он ощущает ее власть и не может выйти за ее пределы.

При расширении сознания, когда начинают работать мысль, память, чувства и разум, видение становится объемным, охватывая другие аспекты, и прежняя линия превращается в кривую, которая, замыкаясь, образует круг. Человек начинает понимать, что мир не линейен и что прямая — лишь отрезок, который доступен нам на сегодняшний момент. Подобно этому создавалась неевклидова геометрия, утверждающая новые принципы видения мира.

Каждый социальный субъект, как отдельный человек, так и социальная общность — группа, нация, человечество, обладает общественным сознанием (определенным сознанием группы, нации, человечества в целом либо общественным сознанием, проявленным в индивидуальном, личностном). Своеобразная тенденция общественного сознания, пронизанного обыденно-практической, научной, мифопоэтической, религиозной палитрой, обуславливает соответствующее общее видение реальности.

Сегодня мы наблюдаем такие процессы, как четкая дифференциация восточной и западной культур (с соответствующим способом интерпретации реальности) и едва заметные интеграционные изменения. Поистине распространение идей отличается от распространения товара. Последний можно переместить из одного региона в другой при помощи транспортных средств, при этом сам товар по сути не изменяется. Идеи же передаются сознанием, претерпевая изменения, интерпретируются в соответствии с общественным сознанием, установками, особенностями рефлексизирующего субъекта.

В настоящее время большинство людей осознает, что на планете Земля происходит ускорение времени, лавинообразный приток информации существенно влияет на способы человеческого бытия. По данным, взятым из Британской энциклопедии, со времен древней шумерской цивилизации до 1900 г нашей эры, т.е. почти за 5800 лет, накопилось существенное количество информации. За последующие пятьдесят лет это количество удвоилось. Затем, в последующие двадцать лет, примерно в 1970 г., снова удвоилось. Далее потребовалось уже только десять лет. Примерно к 1980 г. снова произошло удвоение количества информации. Теперь это удвоение отмечается каждые несколько лет.

С поступлением в человеческое сознание такого количества информации

становится очевидным, что для человечества наступает время больших перемен.

К тому же особого рода информация — духовная — тысячелетиями оставалась в тайне. Жрецы, священнослужители разных религий и культов были готовы пожертвовать жизнью ради ее сохранения. Потом вдруг, в середине 60-х гг. XX в., почти все духовные группы сняли покров секретности и то, что хранилось за семью печатями, оказалось доступным.

Эти и другие факты свидетельствуют о необычности настоящего времени, но главное, о насущной необходимости учиться переводить знания на новый уровень интерпретации.

Мы уже говорили об особенностях социологического знания, аккумулирующего посредством категории «социальное» практически все процессы, происходящие в доступной человеку реальности. Именно в компетенцию социологии входит и анализ социальных функций различных социальных институтов, осмысление жизнеспособности всего комплекса конкретно оформленных элементов социальной структуры общества.

Реальность третьего тысячелетия показала, что поиск прочного теоретического фундамента на зыбкой почве социальных трансформаций заставляет нас задумываться о необходимости учитывать социально-исторический контекст, в котором открывается система общественных отношений между субъектами исторической практики. Эта система имманентно присуща как отдельному социальному субъекту, так и социальным образованиям, причем богатство интересующих взаимодействий создает насыщенное поле возможностей самореализации субъектов. Поэтому сегодня представляется актуальной проблема социальных связей между индивидом, различными группами, общностями и обществом в целом.

Такое состояние вполне оправдывает, а точнее — обуславливает рефлексивный аспект социологического знания. Герменевтика, рефлексия как способы интерпретации — это историческая необходимость современного видения мира. Высказанная рефлексия есть интерпретация, которая занимает исключительное место в совершенствовании образования. В западной социологии, а также в социальном познании и социальной практике данной сфере уделяется значительное внимание.

В качестве примера можно привести замечания Г.И. Богина и А.А. Романова по поводу дорогостоящей реформы в образовании США, начатой еще в 1958 г. с принятием «Закона об образовании ради национальной обороны» [12. С. 3-8]. В старших классах в ходе реформы до 60 процентов учебного времени стали отводить интерпретационным методам обучения, а также риторике и герменевтике. Подобная перестройка школы была осуществлена в ФРГ, Японии. Франция начала такую работу еще раньше США.

Прикладные педагогические эффекты фиксировались. Исследования показывали, что дети, прошедшие курс длительного обучения рефлексии, становились все более понятливыми, что обусловило заметный рост в 1970-80-х гг. производительности труда в машиностроении и приборостроении (до 80 процентов). Ученые считают, что без реформы образования в историко-герменевтическом направлении эти результаты были бы недостижимы.

Говоря о герменевтике как комплексной дисциплине, авторы отмечают, что перестройка просвещения, культуры, образования и профессиональных готовностей — только одна из прикладных сфер герменевтики. Имеется немало других: определение качества кадров, менеджмент в широком смысле, следственная работа и т.д. Практически в любой сфере профессиональной деятельности заложены объективные потребности в кадрах, обладающих навыками герменевтического видения мира. Это связано еще и с тем, что не изжито в образовательных системах

обучение «готовому пониманию».

При всем многообразии определений категории «понимание» следует выделить важные аспекты, указывающие на то, что понимание связано как с рефлексией, так и с саморефлексией.

За последние годы в теории обозначилась методологическая концепция рефлексии. Обратим внимание на подходы к структурированию ее модели на основе анализа представлений в западном и отечественном гуманитарном знании [58. С. 45-46].

Прежде всего выделяется логическая рефлексия на основе точной работы с языком. Это осмысление природных, исторических, социальных закономерностей через логические конструкции. Логическая форма рефлексии использовалась мыслителями нового времени — Ф. Бэконом, Дж. Локком, Р. Декартом.

Онтологическая рефлексия определяет пространственно-временные рамки конкретной культуры. В сфере самосознания происходит отражение целостных рефлексивно-мировоззренческих чувств. Этот аспект связан с творчеством таких мыслителей, как Аристотель, Платон, А. Августин, Ф. Шеллинг, Г. Гегель.

Гносеологическая рефлексия рассматривается как специфический способ познания внутреннего мира субъекта путем проникновения в его «мысленные переживания». Рефлексия в форме интроспекции применялась многими исследователями, среди которых Р. Декарт, Т. Гоббс, Дж. Локк, Дж. Беркли, Д. Юм, Дж. Милль, Л.С. Рубинштейн. Гносеологическая форма рефлексии особое место занимает в герменевтике И. Дройзера, Ф. Шлейермахера, В. Дильтея, Х.-Г. Гадамера, Ю. Хабермаса.

Методологическая рефлексия связана с анализом модальных характеристик объекта познания. То есть рефлексивные операционные акты совершаются с учетом логических определений таких понятий, как «чувственность», «рассудок», «разум» и т.д., либо метафизических образов (П.Я. Чаадаев — «логика сердца», А.С. Хомяков, С. Кьеркегор — «внутреннее знание», Ф. Шеллинг, В.С. Соловьев — «мистическое познание»).

Метафизическая рефлексия — это философское осмысление бытия, свободы, смерти и бессмертия, материи, истины. В предисловии к книге М. Мамардашвили Ю.П. Сенокосов пишет: «Философская рефлексия всегда начинается с тайны невидимого и кончается невидимым. Философ, по определению, — "Фома неверующий". И его удел — продолжать спрашивать либо молчать...». И далее автор сравнивает определение жизни биологом и философом. С точки зрения биолога — это фундаментальное свойство живого, воспроизведение себе подобного. «Философ ответит, что жизнь есть усилие во времени, что нужно совершать постоянное духовное усилие, чтобы оставаться живым... ибо отождествление жизни с духовным, сознательным принципом, являющимся продуктом рефлексии, лежит в самой основе философского акта. Чувство жизни равносильно фактически чувству бесконечности (неопределенности), и лишь духовное усилие — в момент "встречи" такого чувства или переживания с мыслью — претворяет неопределенность в некую гармонию, способную облагораживать человека, его поведение, психику, социальные отношения и т.д.» [71. С. 8, 11].

Смысл духовной рефлексии, думается, заключается в культурологическом видении мира. И снова хотелось бы обратиться к М. Мамардашвили, к его «Мысли в культуре». «Я думаю, - пишет философ, — что со словами "высокая духовность" нужно очень деликатно обращаться. Ведь она может быть весьма "низко" расположена... Чувство уравновешенности, гармонии, что содержится в простейших капризах человеческих, в том числе, скажем, и в лени, лишь постфактум выглядит как акт некой духовности. То есть вся беда в том, что локализовать духовность практически невозможно. Оперирование высокими понятиями — самое большое

искушение для человека, которому он охотно поддается, думая, что уже сам факт обращения к ним возвышает его» [71. С. 145-146].

И далее автор рассматривает внешние факторы, имитирующие духовность, — «жизнь, имитирующая жизнь». «Буква, слово являются обычно увенчанием жизни духа, а здесь все наоборот...». Мысль, по мнению Мамардашвили, должна соответствовать законам мысли, которые проявляются в определенном конкретном времени, в конкретном процессе. «Возьмем театр, - пишет он. — Когда мы идем на спектакль — я беру идеальный случай, — мы знаем заранее текст. Все известно. Почему нужен театр? Что происходит? А происходит то, что мы в театре соотносимся с тем, чего нельзя иметь, нельзя понять иначе. Театр есть "машина" введения нас в то состояние, которое существует только тогда, когда исполняется. Казалось бы, записано в тексте, стоит только прочитать, но понимание, если оно случается, происходит в театре. Ты понял, в тебе произошло изменение, произошел катарсис, но слова ушли, поскольку сработала организованная сильная форма». Пространство и время выступают определенными условиями организации мысли, и при этом происходит рождение духовного состояния. «Человек не весь в человеке. Мы идем к себе издалека. Весьма издалека. И, кстати, за это время (и в пространстве), пока мы идем к себе, может многое случиться — до себя можно и не дойти...» [71. С. 152-154].

Процесса мышления, памяти, внешнего действия недостаточно для мысли, для сотворения духовного — необходимы живые состояния бытия. И в духовной рефлексии главное — не установление фактов, а постижение духа времени, пространственных форм бытия.

Наряду с перечисленными структурными преобразованиями рефлексии — логической, онтологической, гносеологической, методологической, метафизической, духовной — выделяется еще и психологическая рефлексия как объяснительный принцип «процесса самопознания субъектов внутренних психических актов и состоянии для раскрытия психологического содержания различных феноменов и фактов» [58. С. 46].

Говоря о социологической рефлексии, мы обращаем внимание на то, что она аккумулирует все рассмотренные ранее аспекты и сосредоточивается на тех связях и отношениях, которые обнаруживаются между ситуацией, обозначенной в тексте, и теми ситуациями, которые имеются в опыте субъекта (в герменевтике его называют «тезаурус читателя»).

Используя термин «социологическая рефлексия», мы учитываем также то, что основу его составляют самосознание, самооценка субъекта на логическом, чувственном уровнях, включающих в себя социологическое знание и понимание основных категорий и, что не менее важно, конкретно-действенный аспект понимания необходимости «бытия-с-другим», возможностей межличностных и групповых контактов и знания реальных способов их применения в конкретной среде. Социологическая рефлексия, таким образом, предполагает не только самооценку и саморефлексию субъекта как представителя социальной общности, статусной позиции и т.д., но и включенность его в сотворение жизненного социокультурного пространства, что приобщает данный вид рефлексии к теории коммуникации и мыследеятельности.

Социологическое знание в этом аспекте представлено «горизонтом понимания», способствующим умению открывать ценность и значение жизни в рамках социума. Вместе с тем знание социологической теории отличается от понимания уже тем, что оно специализированно, частично, существует в определенных границах, внешним образом, безразлично относясь к тому, что находится за его пределами. Понимание — это усмотрение внутренних связей органического целого. Без выделения целостности предмета невозможно понять отдельные социальные проблемы.

Говоря о социологической рефлексии, необходимо отметить, что идея такого подхода не нова: она фигурирует, например, у немецкого социолога У. Бека как концепция рефлексивной модернизации, представляющая теорию самокритики общества, связанную с концепцией «общества риска» [56. С. 492-493]. Рефлексивная модернизация связывается также с попыткой концептуализации качественных перемен, происходящих в современном обществе — как в повседневной жизни, как и в характере социальной организации, политической сфере и структуре глобальных систем.

Сегодня обсуждаются идеи о месте социологической рефлексии в планетарном потоке общественного сознания. Так, Н.К. Серов отмечает, что свойство рефлексивности (как «способность к контролю согласованности структуры и внутренних изменений общественного сознания с изменениями внешней среды» [95. С. 520]) взаимосвязано с такими явлениями, как эмерджентность и самореферентность, которые автор рассматривает соответственно в онтологическом и гносеологическом аспектах. Эмерджентность — «неуклонное самовоспроизводство», стимул процессов самообновления социальной жизни, глобализации и адаптации к изменяющейся внешней среде. Самореферентность определяется как способность опираться на собственные творческие силы в выработке инструментов самопознания и механизмов адаптационной самоорганизации. Серов считает, что рефлексивная функция потока общечеловеческого сознания может стать основой социологической рефлексии. Следует согласиться с ним, что для объяснения, дифференциации, а затем и институционализации различных типов социологической рефлексии необходимо признание онтологической реальности рефлексивной функции общественного сознания, которое рассматривается автором в планетарном масштабе, что соответствует герменевтическому принципу соотношения части и целого.

Таким образом, социологическая рефлексия может быть представлена в широком диапазоне осмысления различных по длительности социальных процессов в контексте их социокультурной интерпретации. В данном аспекте обращает на себя внимание тенденция к переосмыслению традиционных представлений о месте социологии в системе наук. В связи с этим, думается, используя принцип герменевтического круга, социологию необходимо рассматривать как существенный элемент в структуре картины мира, обладающей свойствами рефлексивной самодостаточности и универсальной целостности.

Мы уже отмечали, что принцип герменевтического круга в интерпретации текста приводит к необходимости формирования нового миропонимания, в основе которого должна находиться универсальная целостность картины мира. Основной тенденцией мыслителей, древних и современных, является стремление объединить научные знания, религию, искусство, другие формы отражения реальности. Знания о сути мироустройства с древних времен передавались в священных писаниях, знаках, символах и т.д. Таинственным ключом к вечным знаниям служили универсальный математический код и герменевтика как искусство понимания и интерпретации.

Сегодня одной из попыток представить полноту многоуровневых связей космических и земных, природных и социальных систем является универсология В.А. Полякова, о которой мы упоминали ранее. В учебниках, учебных пособиях, методических изданиях автор обосновывает концепцию универсологии с позиции междисциплинарного синтеза наук и закладывает теоретический фундамент в виде теории универсальных закономерностей, теории относительности сознания и причинно-следственной теории личности. Поляков показывает сферы практической реализации универсологии (для личности, семьи, коллектива, предприятия, общества) [88].

Обсуждая эти проблемы с автором, а также принимая участие в нескольких семинарах, проводимых им в г. Иркутске, мы посчитали возможным привести в качестве примера его концепцию первоосновы бытия и универсальности жизни. Думается, содержание указанной концепции может способствовать более глубокому пониманию главных положений социологической рефлексии.

«Системы жизни строятся на первоосновах бытия: причина (ядро, центр, импульс...), из которой возникает проявленный мир, — следствие (орбиты вращения материи вокруг ядра). Поэтому в Универсологии за основу взяты причинно-следственные отношения (как Инь-Ян) и алгоритм их развития, которые, вечно повторяясь, но в разных масштабах пространства и времени, лежат в основе рождения многоуровневой жизни микро- и макрокосмоса.

Мыслители всех времен, в той или иной интерпретации, основывали рассуждения о сути миропостроения на утверждении, что все начинается из великого небытия — первоисточника жизни, определенные состояния которого есть проявления пространственно-временных отношений. И именно возникновение дуализма «причины-следствия» как мужского и женского первоначал формирует жизнь: Ян-Инь. В этом проявлено таинство "сфинкса".

Сфинкс имеет тело животного как символ несовершенства прошлого, но голова человека — как перспектива будущего. Сфинкс закрывает вход в пирамиду. Но когда человек освободится от зависимости и притяжения животной природы (туловище сфинкса) и несовершенства прошлого, то тогда он постигнет свободу через четыре качества (голова сфинкса) — четыре основания пирамиды: ответственность, дисциплина, устремленность, постоянство. Тогда откроется человеку вход в пирамиду, что и есть восхождение к высотам Истины. И в этом мистерия "пирамид" — код универсальности знаковой системы мироздания.

Древняя философия учитывала также переходный процесс между причиной и следствием, то есть тройственность как три составляющие: причина- их взаимосвязь -следствие. При этом каждая из составляющих причинной триады содержит тройственность, но меньшего порядка: $(3 + 1 + 3 = 7)$. Таков смысл "Лестницы Иерархии — семи уровней развития систем жизни".

Иерархия семи ступеней нисхождения в материю импульса развития рассматривалась в образе творящей жизнь мысли. И эта мысль поэтапно формирует систему жизни (ее пространство проявления и время развития), проходя 12 качеств познания сути развития как: 12 божеств Олимпа или 12 апостолов, 12 священных созвездий Зодиака.

Универсология также проявлена в цифрах и числах. Арабы положили число 10 в основу всех исчислений как отношение: система-подсистема $(3 + 7)$. При этом цифры несут характеристику номера уровня и номера этапа развития систем жизни.

Таким образом, на основе Универсологии становится возможным осуществить синтез научных и прикладных дисциплин, построив схему общей междисциплинарной науки. Универсология также демонстрирует широкий диапазон методологического аппарата, позволяющего формировать новую социально-экономическую систему общества на прочном фундаменте всеобщих законов развития, обеспечивающих наибольшую эффективность, бескризисность, устойчивость и счастье здоровой и творческой жизни человека» [88. С. 21-22].

Учитывая это, мы обращаем внимание на ценностно-личностную ориентацию социологической рефлексии, открывающую:

- возможность формирования креативной личности, способной к творчеству и творящей;
- умение жить в мире стереотипов, не подчиняясь им, сохраняя индивидуальность;
- умение открывать и сохранять ценность и значение жизни как «бытия-с-другим»

в рамках социума; в противном случае жизнь станет ожиданием смерти;

- понимание особенностей и возможностей социального времени и социального пространства, осознание сиюминутного и вечного, сакрального и мирского в одном социальном акте;

- понимание социальных явлений в аспекте культурологических ценностей, что способствует духовной самореализации и самоактуализации.

Таким образом, социологическая рефлексия онтологична по сути, поскольку социальные события определены пространственно-временными рамками конкретной культуры.

Гносеологический аспект позволяет использовать данные всех существующих наук для выработки и более глубокого постижения основной рабочей категории «социальное качество», что в полной мере раскрывается при изучении и практическом освоении социологии в герменевтическом измерении.

3.2. Структура социологической теории в герменевтическом измерении

Существенная необходимость герменевтического подхода к социологической теории и практике подтверждается противоречивыми особенностями современного образования. Социальное время всегда обнаруживает особую значимость той или иной теории. Сегодня единое человеческое сообщество перестает быть абстракцией, представленной в аппарате современной науки, в том числе и общественно-гуманитарной, к которой относится социология: время высвечивает потребность в осмыслении включения социологических категорий, концепций, понятий в процесс самореализации людей и гармонизации общественных отношений. Важно при этом учитывать, какие научные постулаты и в каких сочетаниях могут стать средствами самоопределения общества, ориентации человеческих индивидов.

Обратим внимание на то, что социология в соответствии с эталонами науки представляет собой систему, образованную теоретическими и эмпирическими операционными базисами. Эта система включает в себя совокупность идей, концептуальных схем, множество опытных данных, индуктивных законов, а также набор экспериментальных процедур, методов, способов объективного апробирования

На высшей ступени своего развития социология как наука предполагает последовательную концептуальную универсализацию объектов, их онтологизацию и операционализацию.

Традиционная социология в основе своей содержит принцип объективности. Вместе с тем, будучи наукой гуманитарной, она должна выполнять человекотворческую функцию. Использование герменевтических принципов расширяет диапазон возможностей социологии — от объективной, стандартно-научной, к субъектосодержащей, антропологической, аксиологической. Герменевтика, утверждающая открытость интерпретации, необходимость постижения внутреннего смысла, истин жизни в дополнение к истинам науки, обогащает традиционную социологию. В таком виде она может быть представлена как универсальная теория ценностей жизни.

Мы уже отмечали, что социология значительно больше и сложнее, чем собственно наука, поскольку наряду с теоретическим основанием она отражает рефлексивный процесс, направленный на взаимодействие с социокультурной реальностью. Универсальным «механизмом» такого взаимодействия и являются герменевтические принципы.

Герменевтическое измерение, т.е. использование эффекта социологической рефлексии в сочетании с герменевтическими принципами, открывается уже при

определении предмета социологии, которая всегда в той или иной мере исследовала социальных индивидов, различные группы, общество, мировое сообщество, рассматривая их как целостные, социальные образования, обладающие известной автономностью и самодостаточностью.

Вместе с тем в разное время преимущественное внимание уделялось то одним, то другим или третьим социальным единицам, и мы в данной работе в аспекте герменевтического принципа контекстуального подхода анализировали сменяющееся господство парадигм. Так, в пространстве определенных культур структурные теории, в которых акцент делался на обществе, уступали свои позиции герменевтическим концепциям, в которых, наоборот, внимание было сосредоточено на социальных индивидах. Подобный историко-социологический резонанс можно наблюдать в некоторых современных учебниках, где, говоря о предмете социологии, выделяют одну из обозначенных сторон.

Исследуя долгий путь становления герменевтики и используя ее принципы при освоении социологии с ее многочисленными парадоксами, важно учитывать объективные универсальные законы, по которым устроено бытие природы, общества с его материальной и духовной сферами. Герменевтика соотносит свои принципы с этими законами¹. Сила принципов обуславливается пониманием объективных законов и разумным их применением.

В диалектике сформулированы всеобщие законы развития. Вместе с категориями они являют собой ступени познания мира. Герменевтика с ее принципами — это путь понимания, в котором учитываются как ступени, так и цель, а также пространство бытия и время культуры. Она ближе, чем диалектика, к жизни.

Законы, по которым устроена жизнь, понятны, и мы их можем наблюдать в повседневности, только надо научиться видеть их и различать.

1. Закон поляризации в диалектике. Это закон единства и борьбы противоположностей: благодаря притяжению полярных начал духа и материи проявляется все сущее, т.е. жизнь во Вселенной. Мужчина и женщина — тоже полярные начала, которые, притягиваясь, создают новую жизнь. Это добро и зло, свет и тьма и многие другие противоположности, которые не существуют одна без другой.

По сути закона:

- каждой системе, каждому явлению присуща дуальность, двойственность, т.е. наличие пары противоположностей (плюс-минус, объект-субъект, мужчина-женщина, добро-зло, свет-тьма);

- борьба, напряженность, конфликт между противоположностями есть источник и движущая сила любого развития;

- напряжение порождает стремление к равновесию, гармонии, которые, в свою очередь, являются относительными состояниями, переходными процессами в многоуровневых системах;

- большая система (плюс) задает программу развития меньшей (минус), направляя ее развитие по более эффективному пути, т.е. по пути с наименьшими затратами;

- эффективность развития меньшей системы определяется именно тем, насколько она способна познать цель и критерии развития большей системы.

2. Закон преемственности и подобия. Любая система в своем развитии базируется на прошлом опыте, на предыдущих достижениях. Причем каждый последующий этап вбирает в себя предыдущий (в этом состоит суть преемственности). При любых изменениях системных отношений всегда повторяются универсальные закономерности развития по трем параметрам: в пространстве, во времени, при энергообмене (в этом заключается суть подобия).

3. Закон цикличности. Мир, в котором мы живем, находится в постоянном

движении, развитии, цикличном по своей сути. Так мы дышим, так бьется сердце, так день сменяет ночь, так сменяются времена года, так рождаются и гибнут цивилизации. Есть малые циклы, как ритм нашего сердца, есть огромные эпохи в тысячи лет, причем развитие в них происходит относительно одновременно. Цикличность проявляется как непрерывное чередование активной и пассивной фаз. Инволюции и эволюции. Взаимосвязь этих двух фаз единого цикла отражена в словах И. Канта о том, что на пути аналитического познания человек не может познать истину, так как он бесконечно разделяет существующее единство. Но лишь стоящий на пути синтеза может ее познать.

Понимание данного закона отражено в принципах герменевтического круга, части и целого.

Если человек только разделяет на части, разрушает, отделяется, то он не может эффективно развиваться. Но, собирая части в целое, объединяясь с другими людьми, он может создать то новое, что будет служить эволюционному развитию, и развиваться сам. При этом для понимания важно, чтобы человек видел в каждой части проявления целого и понимал, что целостность не есть механическая сумма частей.

Для одной минуты синтеза требуются целый век анализа и океан фактов. И мы научились анализировать, бесконечно разделяя целое. Но только наличие обеих фаз обеспечит полноту цикла, полноту накопления опыта развития и переход количественных изменений в новое качество.

Мы уже накопили такое множество фактов и бессистемных знаний, что можно в них утонуть. Часто нам не хватает именно минуты синтеза. И сейчас мы живем в уникальное время, когда человечество стоит перед необходимостью синтеза накопленных знаний с тем, чтобы совершить качественный скачок в собственном развитии.

4. Закон сохранения энергии. Это как физический закон планеты, так и закон сохранения импульса творящей мысли. В обществе — это закон справедливости. Человек действительно является творцом своей судьбы, и многое зависит от того, какие действия он совершает, понимает ли их смысл, мотив, предполагает ли последствия. По сути, это закон причины и следствия в нравственных отношениях. Человек своей каждодневной деятельностью — физической, эмоциональной, мыслительной — порождает многочисленные причины, хорошие и плохие, а потом «пожинает» соответствующие следствия. Причем нельзя не заметить, что время сильно изменилось, ответы теперь приходят очень быстро, и тем нагляднее различия в действии этого закона в жизни каждого.

5. Закон свободы выбора. Это еще один закон, по которому развивается человечество. Какое поведение, какой путь выбрать — зависит от каждого из нас. У человека всегда есть выбор, в какую бы ситуацию он ни попал, какие бы обстоятельства ни довлели над ним. Мы совершаем свой выбор каждый день, каждую минуту, в большом и малом, и должны в своем выборе помнить о законах, которые действуют неукоснительно, одинаково для всех, ориентироваться на общее благо и эволюционные цели развития.

Каждый человек индивидуален, и вместе с тем он частичка всего человечества. Не может человек быть счастливым, отделившись от всех.

П. Сорокин назвал социологию наукой о счастье. Счастье, по результатам опроса общественного мнения в разных странах, — это когда тебя понимают. Не менее важно и то, понимаешь ли ты сам. И в этом плане социология открывает возможность понять, осознать себя частью целого: во вселенском бытии — открыть в себе Человека; в любви — найти свою половину и обрести целостность и новое видение мира; в обществе — понять себя как часть и обрести целостность в дружбе, в социальной группе, в профессии, в любой сфере общественных отношений.

Социология своим содержанием и структурой разработанных теорий вполне соответствует задачам самореализации, самоактуализации познающего субъекта.

Герменевтика с ее принципами способствует развитию социологической рефлексии, при которой знание социологических законов, категорий и проблем помогает положительному решению многих задач и человек обретает свободу в ценностной ориентации. В подтверждение этого можно порекомендовать обсуждение доклада «Наука как призвание и профессия», прочитанного М. Вебером в 1918 г. в Мюнхенском университете [17. С. 130-153].

Это можно осуществить на первых занятиях при изучении предмета социологии, ее роли в обществе. Следует обратить внимание на соотношение науки, технологий, производства с духовными потребностями, сделав акцент на том, что получать знания, овладевать предметом социологии со смыслом и пониманием — значит открывать себя в мире людей, структурировать гармонию внутреннего мира с внешней реальностью. Владеть собой и ситуацией можно лишь тогда, когда постигнешь, прочувствуешь гармонию как «лад», заключенный в слове «владеть», которое так активно используют прагматики, технократы, не всегда понимая его великий смысл.

Социология по сути своей — герменевтическая наука: предметом социологии (какую бы парадигму мы ни взяли) является «социальное» — интегративное системное качество, которое обнаруживается в процессе установления общественных связей и отношений:

- при взаимодействии людей с их социальными статусами, ролями, ценностными ориентациями;
- при взаимодействии личности и социальных институтов;
- при взаимодействии человека и природы.

Интегративное качество «социальное» проявляется в пространстве определенной культуры, поэтому социологическое познание реальности неотделимо от культурологической рефлексии. В противном случае будут происходить антикультурные разрушительные процессы, которые мы наблюдаем сегодня. Одна из причин возникновения негативных социальных явлений, думается, заключена в игнорировании герменевтических принципов: отрыв научного знания от нравственного совершенствования человека, развитие и освоение экономической теории вне контекста культурологических парадигм, изменение природы без понимания принципа мировой гармонии, активная социальная деятельность без понимания смысложизненных проблем. Именно в таком аспекте обретает смысл расхожее суждение о том, что школа бизнеса Гарварда учит человека успеху, но не может научить счастью.

Исходя из герменевтического основания, социология, в отличие от других наук, не может ограничиться исследованием лишь отдельных социальных образований: их самодостаточность, какой бы значительной она ни была, в полной мере не отвечает задачам этой науки. Здесь должен работать принцип герменевтического круга, открывающий возможность изучения социального качества субъекта (личности, группы, общества) в форме конкретного бытия общей универсальной целостности. Так, к примеру, К. Маркс определял личность как ансамбль всех общественных отношений. (Социальное качество человека представляется проявлением универсальной целостности экономических, политических, нравственных, тендерных и других отношений.)

Используя такие категории, как «статус» и «роль» субъекта, можно рассмотреть через эту призму всю структуру социологической теории: все программные темы, а также общество в системной взаимосвязи всех его элементов в состоянии устойчивости и изменчивости.

Для более глубокого понимания программных тем, таких как «Общество как

система», «Социальные общности», «Социальная стратификация», «Социальные институты», необходимо постижение на уровне саморефлексии категорий «система», «содержание», «форма», «единичное», «общее». Практика показывает, что знание, даже объяснение той или иной категории не всегда соответствует пониманию.

Известно, что только в состоянии свободы в человеке открывается Человеческое. Э. Фромм вместе с тем пишет о большинстве людей, убегающих от свободы и не подозревающих о том, как далеки они от понимания ее сути. Чтобы быть свободным, надо, как минимум, понимать, что такое «свобода», реализовать это состояние и уметь рефлексировать (узнавать себя в реальности, оценивать, чувствовать и радоваться своей свободе).

Подобное происходит с категориями «единичное»-«общее». Используя на практических занятиях по социологии специальные тесты для определения границ и уровня понимания в группах, мы постоянно наблюдаем факты противоположной интерпретации категорий, что исключает не только взаимопонимание, но и возможность совместных действий на основе общих интересов. Обучение студентов элементам саморефлексии открывает возможность взаимопонимания, осознания себя органической частью социальной группы как целого.

В этом же аспекте можно рассмотреть пример изучения социальной общности. Типологический анализ общностей, существовавших в истории, был проведен немецким социологом Ф. Теннисом. В работе «Общность и общество» (1887), затем во «Введении в социологию» (1931) он дал концептуальную схему развития общинной общности как традиционного общества до становления общественной организации в виде современного сложноструктурированного социального целого. «Часть понимается только вместе с целым. Смысл целого выясняется относительно частей» — один из принципов герменевтики, который явно просматривается в методе Тенниса. Он одним из первых представил развернутую систему, в которой, по выражению Р. Кенига, современного немецкого социолога, вся социология строилась вокруг понятия «общность» и против понятия «общество».

Важно осознавать, что в части любой системы законы проявляются иначе, чем в целостности: мы можем прогнозировать поведение социальных общностей, но предугадать действия отдельных людей невероятно сложно. В соответствии с этим пытливого уму представляется реальность с практически бесконечным числом способов ее интерпретации. Эта реальность представлена в виде текста как открытой и многоуровневой системы, смысл которой можно познать, используя соответствующий герменевтический принцип. При этом важно учитывать и многозначный характер использования понятий в социологии, о чем пишет Г.Г. Татарова. Она ставит проблему понимания при анализе данных в социологии, предлагает методологический подход к исследованию взаимодействия между теоретическим и эмпирическим уровнями познания [106].

Человек, не владеющий основами герменевтики, рискует оказаться в ситуации утраты понимания. Тем более, что индивидуальный духовный мир человека сложен и многообразен, поэтому в одних и тех же условиях люди поступают порой совершенно по-разному, ибо, по мнению академика Н.Н. Моисеева, они живут в различных духовных мирах. Формирование духовного мира — это в некоторой степени эволюционный процесс. Освоение курса социологии представляется существенным основанием для придания этому процессу необходимой направленности, когда возникает эффект сборки: на определенном уровне сложности системы (человеческого миропонимания, отношений в малой группе и т.д.) формируются новые свойства ее элементов [75. С. 84]. Так, в процессе овладения теорией с учетом герменевтических принципов и социологической рефлексии не только происходит индивидуальное качественное изменение

познающего субъекта, но и возникают интегративные процессы в социальной общности. Это подтверждают французские исследователи в оригинальной книге «Начала практической социологии». Авторы предлагают новый подход к центральным проблемам методологии, методики и техники социологического исследования. Они искренне озабочены тем, как преподавать социологию, «чтобы способствовать реальному основанию "ремесла социолога" как способа специфического восприятия социального мира» [65. С. 13]. И далее в книге отмечается, что часто для студентов и преподавателей курс социологии является неким минимумом, который следует выучить и суметь воспроизвести, тогда как в результате настоящего усвоения социологии должно произойти глубокое и устойчивое изменение привычного восприятия социального мира.

Обучение этому возможно при исследовании кардинальной темы «Личность». Данная тема по-разному интерпретируется в учебных программах: «Активный субъект в системе социальных связей и отношений», «Социализация личности» и т.д.

Независимо от того, какой аспект выделяется в учебном курсе, герменевтическое основание приводит к необходимости изучения человека в социуме как представителя универсальной ценности. Универсум, как мы уже отмечали, — это совокупность всех форм потенциального (прошлого и будущего) и актуального (настоящего) бытия. В пространственном отношении человек рассматривается как «микрокосм». В отличие от всего живого человек не имеет локальной ниши обитания: он живет везде, его дом — вся планета, сегодня уже и космос. По качествам, по среде обитания, по уникальной способности творить самого себя — это универсальное существо.

Социальная активность личности проявляется в изменении природы, социальных отношений, самого себя. Активность человека без его саморефлексии в контексте определенной культуры — разрушительная. Так, в системе экономических отношений активность субъекта может быть культурной только тогда, когда в процессе производства, распределения, обмена материальных и духовных благ не разрушается Человеческое в человеке. Когда конечной целью является создание условий для самореализации его универсальной сущности.

При изучении проблемы человека, личности необходимо также иметь в виду, что социальное качество как культурологическая ценность формируется в общественных отношениях и в противоречивом единстве с природой, как внешней, так и природой собственного организма.

В обществе, разделенном теоретической наукой и логической интерпретацией социальных и природных явлений, немало препятствий для понимания и сохранения этого противоречивого единства, для сохранения личностью своей универсальной целостности. Одно из существенных препятствий — тендерная проблема. Это проблема мужского и женского в природе и обществе, а также проблема отношения к вопросам пола в различных культурах. Пол, по мнению Н.А. Бердяева, русского философа, есть источник бытия. От пола зависит мироощущение человека.

Пол есть точка пересечения двух миров в организме человека. Тайна бытия, по мнению русского философа В.В. Розанова, скрыта в энергии пола. Причем пол относится не к части человека, а к целому. Он захватывает и определяет всего человека.

В различных культурах сформировалось многообразие интерпретаций сущности мужского и женского. В этом многообразии, тем не менее, выделяется то, что пол существенным образом влияет не только на мироощущение, но и на весь процесс и результат познания человеком мира. Проявляется он, соответственно, и в особенностях общения.

Довольно оригинальное решение рассматриваемых вопросов нашел австрийский

ученый О. Вейнингер [18]. Он перешагнул через невидимую грань устоявшихся представлений и попытался дать ответ на вопрос о том, какое же место в мироздании занимают мужчина и женщина. Исходя из главного открытия — бисексуальности каждого человеческого существа, наличия в нем в разных пропорциях мужских и женских черт, молодой исследователь сумел поставить ряд принципиальных вопросов и ответить на многие из них. Это различия мужского и женского в логике, памяти, дарованиях, гениальности, творчестве, в подходах к проблемам любви, дружбы, одиночества.

Формирующая сила культурных ожиданий проявляется в наших представлениях о том, как должны вести себя мужчины и женщины. Набор ожидаемых образцов поведения в процессе их социализации лежит в основе тендерных ролей. Говорят, что гендерная социализация дает девочкам «корни», а мальчикам «крылья». Социальный статус, конкретное место в данной социальной системе, определенные права и обязанности — все это связано с общими принципами понимания данных проблем. Специалисты по социологии знания отмечают, что фактически все противопоставления, которые используются в качестве принципов видения мира, иерархий и оценок в социуме, в замаскированной форме содержат противостояние мужского и женского. Множество противоречий в обществе возникает на почве непонимания значимости гендерных «стереотипов», т.е. укоренившегося в культуре отношения к вопросам пола.

Тендерные проблемы пронизывают всю систему общественных отношений, и практически в каждой из сфер развития нашего общества - экономической, политической, социальной — обозначены критические ситуации, которые классифицируются как герменевтические.

Исследованиям тендерных проблем в нашей стране всего десять лет, поэтому многие даже не имеют представления о степени их остроты и актуальности. Герменевтический аспект познания высвечивает необходимость изучения тендерной рефлексии не только в теме «Личность», но и в таких как «Социальная общность», «Социальные институты», «Социология культуры», «Социология семьи», «Социология труда» и др.

В свое время великий Гете писал о том, что каждое существо есть тон и оттенок великой гармонии, которую нужно изучить как целое. Человеческий индивид, будучи представителем этого целого, только в том случае может радоваться и наслаждаться, если, по словам Гете, он обладает мужеством понимать и ощущать себя в этом целом.

Современный мир исключительно сложен. Кризисы, конфликты, локальные войны, участвовавшие катастрофы оказывают драматическое воздействие на человеческие судьбы. В такой ситуации теряются ориентиры в системе ценностей, что осложняет отношения с миром.

Высшие ценности необходимы людям так же, как витамины и любовь.

Социология призвана открыть человеку пути к постижению социального мира, герменевтика же с ее принципами создает возможность понимания и обретения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Социология, родившись как строгая наука в русле позитивизма, привлекала внимание уже тем, что могла радовать результатами своих исследований. Но, по образному выражению Э. Гидденса, она обречена в некотором отношении всегда оставаться наукой, вносящей сумятицу в умы. Это стало очевидным с возникновением различных парадигм личностного измерения.

Особое состояние социология приобретает с появлением герменевтического подхода: становится реальной возможностью интерпретации текста и вместе с тем развития духовного потенциала исследователя.

В своей работе мы предприняли попытку анализа герменевтического аспекта социологии с учетом роли и значения принципов герменевтики в освоении универсальных возможностей этой дисциплины. С данной целью мы выделили место и роль социологии в системе образования. Учитывая, что образование остается культурологической ценностью, мы подчеркиваем значимость социологии с ее личностно-гуманистической ориентацией.

Освоение принципов герменевтики, несомненно, даст возможность изучающему социологию не только более полно познать теорию, но и развить в себе способности воспринимать и понимать социальную реальность, умение видеть социальное в индивидуальном, понимание необходимости строить гуманные отношения, чувствовать и предчувствовать социальные изменения.

Мы убеждены, что современному человеку нужно не только знать, но и глубоко понимать взаимозависимость всех процессов, происходящих в природе, в обществе, а также в реальности духовной жизни. Это в значительной степени может содействовать оптимальному решению конкретных жизненных проблем.

Структура и содержание книги в целом могут стать методологическим основанием при изучении экономики, истории, политологии, теории государства, права и других дисциплин! Вместе с тем, применяя принцип герменевтического круга, после прочтения книги до конца следует вернуться к первой главе и попытаться, используя возможности саморефлексии, ощутить и понять себя в гармонии с окружающим миром.

Успехов Вам в решении этой нелегкой, но благородной задачи!

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ И РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Августин А. (Блаженный). Творения Блаженного Августина, епископа Гиппонийского. 2-е изд. Киев, 1901-1912.
2. Андреев Д. Роза мира: Метафилософия истории. М., 1991.
3. Байнфилд Г., Корнголд Е. Между небом и землей. М, 1997.
4. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
5. Белый А. Символизм как миропонимание. М., 1994.
6. Бердяев Н.А. Эрос и личность: Философия пола и любви. М., 1989.
7. Бехтерев В.И. Внушение и его роль в общественной жизни. СПб., 1908.
8. Богданов А.А. Всеобщая организационная наука: Текстология. 3-е изд. Л., 1925.4.1.
9. Богин Г.И. Герменевтический круг как техника понимания текста // Текст: структура и анализ. М., 1989.
10. Богин Г.И. Модель языковой личности и ее отношение к разновидностям текстов: Автореф. дис.... д-ра филол. наук. Л., 1984.
11. Богин Г.И. Система спецкурсов, предполагающих понимание текста // Понимание и рефлексия: Материалы Первой и Второй Твер. герменевт. конф. Тверь, 1992. Ч. 1.
12. Богин Г.И., Романов А.А. Методологические, лингвистические и дидактические аспекты герменевтики: Вместо предисловия // Понимание и рефлексия: Материалы Первой и Второй Твер. герменевт. конф. Тверь, 1992. Ч. 1.
13. Бодалев А.А. Восприятие человека человеком. Л., 1965.
14. Бранский В.П. Искусство и философия. Калининград, 1999.
15. Бубер М. Два образа веры. М., 1995 .
16. Булгаков С.М. Свет невечерний. М., 1994.
17. Вебер М. Наука как призвание и профессия // Самосознание европейской культуры XX века. М., 1991.
18. Вейнингер О. Пол и характер. М., 1991.

19. Виндельбанд В. О свободе воли. М., 1905.
20. Войтоловский Л.Н. Очерки коллективной психологии. М.; Пг., 1924.
21. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М., 1988.
22. Гартман Н. Эстетика. М., 1958.
23. Гегель Г. Энциклопедия философских наук. М., 1975. Т. 1.
24. Гельвеции. Об уме. М., 1938.
25. Глобальное общество и Россия: тенденция эволюции и последствия: Материалы междунар. конф. СПб., 2001.
26. Годфруа Ж. Что такое психология. М., 1992.
27. Гольбах П.А. Естественная политика, или беседы об истинных принципах управления // Избр. произведения. В 2 т. М., 1963. Т. 1.
28. Гольцендорф Ф. Общественное мнение. СПб., 1985.
29. Гроф С. Космическая игра. М., 1997.
30. Грушин Б.А. Логические принципы исследования массового сознания // Вопросы философии. 1970. № 7-8.
31. Гусев С.С., Тульчинский ГЛ. Проблема понимания в философии. М., 1985.
32. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991.
33. Дильтей В. Описательная психология. СПб., 1996.
34. Древнекитайская философия. М., 1972.
35. Дудина В.И. Социологическая методология сквозь призму конструирования исследовательской позиции // Социология и общество: Тез. Первого Всерос. социол. конгр. СПб., 2000.
36. Дэвис Дж. Э. Социология установки // Американская социология. М., 1972.
37. Дюркгейм Э. Метод в социологии. Киев; Харьков, 1899.
38. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Одесса, 1900.
39. Зеленов Л.А. Система культуры социума // Зеленое Л.А и др. Культурология: Учеб. пособие. Н. Новгород, 1993.
40. Ильенков Э.В. Философия и культура. М., 1991.
41. Ильин И.А. Путь к очевидности. М., 1993.
42. Ильин И.А. Философия права // Соч.: В 2 т. М., 1993, Т. 1.
43. Ионин Л.Г. Основания социокультурного анализа. М., 1995.
44. Ионин Л.Г. Социология культуры: Учеб. пособие. М., 1996.
45. Каган М.С. Мир общения. М., 1988.
46. Кант И. Основы метафизики нравственности // Соч.: В 6 т. М., 1965. Т. 4, ч. 1.
47. Карасев Л.В. Философия смеха. М., 1996.
48. Кемеров В.Я. Введение в социальную философию. М., 1996.
49. Кефели И.Ф. Культура и цивилизация // Социально-политический журнал. 1995. № 4.
50. Кон И.С. Позитивизм в социологии. Л., 1964.
51. Кон И.С. Психология предрассудка // Новый мир. 1966. №9.
52. Кон И.С. Социология личности. М., 1967.
53. Кондорсе Ж.А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. М., 1936.
54. Корецкая Л.Ф. Философия русского космизма: Метод, рек. Иркутск, 1991.
55. Кузнецов В.Г. Герменевтика: эволюция идей и современное состояние // Вестник МГУ. Сер. 7, Философия. 1992. № 2.
56. Кузьмин А.А. Рефлексивная модернизация: основные идеи западной социологии // Социология и общество. СПб., 2000.
57. Куракина О.Д. Русский космизм как социокультурный феномен. М., 1993.
58. Курносилова Е.А. Теоретическая модель философско-психологической рефлексии // Человек. Культура. Общество: Актуальные проблемы философских, политологических и религиоведческих исследований. М., 2002. Т. 4.

59. Курц П. Запретный плод: Этика гуманизма. М., 1993.
60. Кутлуниин А.Г. Немецкая философия жизни. Иркутск, 1986.
61. Кутырев В.А. Естественное и искусственное: борьба миров. Н. Новгород, 1994.
62. Кутырев В.А. Современное социальное познание. М., 1988.
63. Лабиринты одиночества. М., 1989.
64. Лебон Г. Психология народов и масс. СПб., 1896.
65. Ленуар Р., Мерлье Д., Пэнто Л., Шампань П. Начала практической социологии. М.; СПб., 2001.
66. Локк Дж. Опыт о человеческом разуме // Избр. философ, произведения: В 2 т. М., 1960. Т. 1.
67. Лосев А.Ф. Античная философия истории. М., 1977.
68. Лосев А.Ф. Бытие. Имя. Космос. М., 1993.
69. Лосский Н.О. Мир как органическое целое // Избранное. М., 1991.
70. Макарычев С.П. Понимание и противостояние: методологическая проблема. Красноярск, 1990.
71. Мамардашвили М. Как я понимаю философию. М., 1992.
72. Маннгейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994.
73. Мень А. Сын Человеческий // Волга. 1991. № 7.
74. Миллс Ч. Властвующая элита. М., 1959.
75. Моисеев Н.Н. Человек во Вселенной и на Земле // Вопросы философии. 1990. № 6.
76. Наумкин А. Синергетика: Введение в калагию. Каунас, 1998.
77. Немировский В.П. «Универсумная» социология как отражение новой научной картины мира // Социология и общество: Тез. социол. конгр. СПб., 2000.
78. Оболенский Л.Е. Социальные предсказания // Русская мысль. 1892. Кн. 5. Актуальные проблемы философских, политологических и религиозно-философских исследований. М., 2002. Т. 4.
63. Курц П. Запретный плод: Этика гуманизма. М., 1993.
64. Кутлуниин А.Г. Немецкая философия жизни. Иркутск, 1986.
65. Кутырев В.А. Естественное и искусственное: борьба миров. Н. Новгород, 1994.
66. Кутырев В.А. Современное социальное познание. М., 1988.
63. Лабиринты одиночества. М., 1989.
64. Лебон Г. Психология народов и масс. СПб., 1896.
75. Ленуар Р., Мерлье Д., Пэнто Л., Шампань П. Начала практической социологии. М.; СПб., 2001.
76. Локк Дж. Опыт о человеческом разуме // Избр. философ, произведения: В 2 т. М., 1960. Т. 1.
77. Лосев А.Ф. Античная философия истории. М., 1977.
78. Лосев А.Ф. Бытие. Имя. Космос. М., 1993.
79. Лосский Н.О. Мир как органическое целое // Избранное. М., 1991.
80. Макарычев С.П. Понимание и противостояние: методологическая проблема. Красноярск, 1990.
81. Мамардашвили М. Как я понимаю философию. М., 1992.
82. Маннгейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994.
83. Мень А. Сын Человеческий // Волга. 1991. № 7.
84. Миллс Ч. Властвующая элита. М., 1959.
79. Моисеев Н.Н. Человек во Вселенной и на Земле // Вопросы философии. 1990. № 6.
80. Наумкин А. Синергетика: Введение в калагию. Каунас, 1998.
81. Немировский В.П. «Универсумная» социология как отражение новой научной картины мира // Социология и общество: Тез. социол. конгр. СПб., 2000.
82. Оболенский Л.Е. Социальные предсказания // Русская мысль. 1892. Кн. 5.

99. Снитко Т.Н. К проблеме рефлексивности понимания // Понимание и рефлексия: Материалы Первой и Второй Твер. герменевт. конф. Тверь, 1992. Ч. 2.
100. Современная западная философия: Слов. М., 1991.
101. Соловьев В.С. Смысл любви // Философия искусства и литературная критика. М., 1991.
102. Соловьев В.С. Чтения о Богочеловечестве // Соч.: В 2 т. М., 1989. Т. 2.
103. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.
104. Тард Г. Законы подражания. СПб., 1892.
105. Тард Г. Социальные этюды. СПб., 1902.
106. Татарова Г.Г. Методология анализа данных в социологии (введение): Учеб. пособие для вузов. М., 1998.
107. Трубников Н.И. Притча о белом ките // Вопросы философии. 1989. №1.
108. Фромм Э. Иметь или быть? М., 1995. '
109. Фромм Э. Искусство любить. М., 1990.
110. Человек: Мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии. М., 1991.
111. Шестов Л. Апофеоз беспочвенности. Л., 1991.
112. Шпенглер О. Закат Европы. М., 1993.
113. Штомпка П. Теоретическая социология и социологическое воображение // Социс. 2001. № 1.
114. Юм Д. Трактат о человеческой природе, или попытка применить основанный на опыте метод рассуждения к моральным предметам // Соч.: В 2 т. М., 1966. Т. 1.
115. Юм Д. Эссе. Скептик // Соч.: В 2 т. М., 1966. Т. 1.
116. Юнг К.Г. Архетип и символ. М., 1991.
117. Ядов В.А. Использование опыта зарубежных университетов в центре социологического образования Института социологии РАН // Социс. 2001. № 1.
118. Яковлев А.А. Модель мистического познания и рефлексия // Зablуждающийся разум? Многообразие вненаучного знания. М., 1990.

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

АКСИОЛОГИЯ — теория ценностей — философское учение о природе ценностей, их месте в социальной действительности и о структуре ценностного мира. Основной вопрос А. — «Что есть благо?» — впервые был поставлен еще Сократом. А. — исторически обусловленные, этические и эстетические и другие ценности в их взаимосвязи и в отношении к социально-культурной среде и структуре личности.

АНДРОГИН — человек, в котором сочетаются мужское и женское. Прибывает в гармонии с внешним миром.

ВОСПИТАНИЕ — процесс становления, обогащения и совершенствования субъектно-личностного и духовного мира человека. В. реализуется посредством творческого овладения доступной ему культурой в конкретном социально-историческом контексте. В. всегда представляет собой культивирование в индивиде человеческих качеств, усвоение научно-познавательной, художественной и, непременно, нравственной культуры, что ориентирует личность на безусловные ценности добра, истины и красоты.

ВРЕМЯ МИФОЛОГИЧЕСКОЕ - сакральное время пер-вотворений, первособытий и первопричин, когда был создан мир, сформулированы первые правила социальной организации, запреты и предписания, установлены первые культурные образцы и первообразы. Для В. М. уместны и объяснимы лишь деяния богов, человек же есть продукт этих деяний. В. М. отличается от исторического времени, когда основную ценность приобретают действия и поступки людей.

ГЕНДЕР. Современная социальная наука различает понятия «пол» и «гендер». Пол — биологические особенности, гендер — совокупность социальных и

культурных норм, которые общество предписывает выполнять людям в зависимости от их биологического пола. Г. создается обществом как социальная модель женщин и мужчин, определяющая их положение и роль в обществе и его институтах (семье, политической структуре, экономике, культуре в целом).

ГЕРМЕНЕВТИКА — истолковательное (искусство) — традиция и способы толкования многозначных и не поддающихся уточнению текстов (произведений древних поэтов, например Гомера, иносказаний, Библии и др.). В филологии эпохи Возрождения Г. выступает как искусство перевода памятников античной культуры на язык живой, современной культуры. Философская Г., следуя этой традиции, определяет превосходство понимания над разумом, языка над сознанием. Тем самым подчеркивается возможность реконструирования «жизненного мира» (Э. Гуссерль), прошлых культур с целью понимания смысла отдельных их памятников.

ГЛОССЕМАТИКА — попытка создания общей лингвистической теории, абстрагированной от материала конкретных языков и служащей для «описания и предсказания любого возможного текста на любом языке» (Л. Ельмслев).

ГУМАНИЗМ в широком смысле — исторически изменяющееся мировоззрение, провозглашающее ценность человека, его право на свободу, счастье, проявление своих способностей. Г. признает благо человека, уважение к его достоинству в качестве критериев оценки социальных отношений и институтов, а принципы равенства и справедливости — как желаемую норму отношений между людьми. Г. в узком смысле — социокультурное и литературное движение эпохи Возрождения (XIV-XVI).

ДИАХРОНИЯ — историческое развитие каждого из элементов языка и системы языка в целом как предмет лингвистического изучения.

ДУХОВНОСТЬ — специфически человеческое качество, характеризующее высшее проявление психики, мотивацию и смысл поведения личности. Д. рассматривается как позиция ценностного сознания — нравственного, политического, религиозного, эстетического. Ведущую роль эта позиция занимает в сфере моральных отношений. Д., равно как и «дух», «духовное», является главной категорией философско-теологической мысли, поэтому в христианской этике Д. связывается с внутренней чистотой и умиротворенностью, со скромностью и послушанием. В социальном плане — это продукт и фундаментальное основание культуры, проявление «человеческого в человеке». Д. характеризуется бескорыстностью, свободой, эмоциональностью, т.е. теми качествами личности, которые возвышают ее над собственными физиологическими потребностями. В общественной лексике Д. употребляется в обозначении мировоззренческих, жизненноориентирующих мотивов поведения личности.

ИНТОНАЦИЯ — ритмико-мелодическая сторона речи, чередование повышений и понижений голоса; тон и манера произношения слова, выражающие чувство, отношение говорящего к предмету речи.

КЛАССИЦИЗМ — направление в европейской литературе и искусстве XVII-начала XIX в., художественный стиль и соответствующая ему эстетическая теория. В целом для К. характерны рационализм, нормативность творчества, стремление к монументальности, ясности и благородной простоте стиля, уравновешенности композиции. В основе эстетики лежат принципы рационализма Р. Декарта, которые определяют взгляд на художественное произведение как на создание искусственное — сознательно сотворенное и разумно организованное (принцип «подражания природе»). Согласно исходному эстетическому принципу Декарта искусство призвано выявить идеальную закономерность мироздания. Объективно присущая миру красота (симметрия, пропорция, гармония, мера и т.п.) должна воссоздаваться в искусстве в совершенном виде и по античным образцам — таков нормативный характер К. Эстетика К. утверждает принципы, единые для всех видов искусств, и

определяет строгую иерархию жанров. Последние делятся на "высокие" (трагедия, ода, живопись на мифологические, религиозные и исторические темы) и "низкие" (комедия, басня, пейзаж, натюрморт, портрет).

КОММУТАЦИЯ — термин структурной лингвистики, введенный Л. Ельмслевом, виднейшим лингвистом копенгагенской школы. Он означает существенную зависимость между планом выражения и планом содержания в языке.

КОНСЕРВАТИЗМ КУЛЬТУРНЫЙ - приверженность к сформировавшимся, устоявшимся духовным ценностям, нормам, правилам поведения, неприятие всего нового в науке, литературе, искусстве и т.д. К. К. восходит к XX в. Он получил развитие в Англии (С. Колридж, Т. Карлейль, Дж. Рескин и др.). К. К. понимает под культурой всю человеческую деятельность. Культура непрерывна, она есть благо не только сама по себе, но и поскольку выступает основой социальной и политической стабильности.

КОНСТРУИРОВАНИЕ — создание новой системы при изменении структуры.

КОНТЕКСТ — законченный в смысловом отношении отрывок письменной или устной речи, необходимый для определения смысла отдельно входящего в него слова или фразы.

КОНТЕКСТУАЛИЗАЦИЯ - процесс определения события в связи с контекстом.

КОСМИЗМ — 1) мировоззрение, в основе которого лежит принцип всеединства, взаимосвязи человека и Вселенной. На единство законов Вселенной обратил внимание Гермес Трисмегист, который назвал человека «микрокосмом». Русский К. связан с мировоззренческой традицией, основу которой составляет всечеловеческое стремление к нравственной вселенской гармонии; 2) принцип, исключающий изучение человека вне контекста «Вселенная-человек».

КУЛЬТУРА — 1) совокупность материальных и духовных ценностей; 2) мера и способ реализации сущностных сил субъекта; 3) просвещенность, образованность, начитанность; 4) освоение, гуманизация, облагораживание человеком природы; 5) все созданное руками и разумом человека; 6) специфический способ организации и развития человеческой жизнедеятельности, представленной в продуктах материального и духовного труда, в системе социальных норм и учреждений, в духовных ценностях, в совокупности отношений к природе, между собой и к самим себе.

КУЛЬТУРА ДУХОВНАЯ - сфера человеческой деятельности, охватывающая различные стороны духовной жизни человека и общества. К. Д. включает в себя формы общественного сознания (политическое, правовое, моральное, эстетическое, религиозное, науку и философию) и воплощение их в литературные, архитектурные и другие памятники человеческой деятельности. К. К. Д. относятся просвещение, образование, язык и письмо, фольклор, народное искусство и т.д.

КУЛЬТУРА МАССОВАЯ - явление культуры XX в., порожденное научно-технической революцией, урбанизацией, разрушением локальных общностей и размыванием территориальных и социальных границ. К. М. характеризует особенности производства культурных ценностей в современном индустриальном обществе, рассчитанных на массовое потребление (массовое производство культуры при этом понимается по аналогии с поточно-конвейерной индустрией). К. М. представляет собой культуру повседневной жизни, предназначенную для восприятия массовым сознанием с помощью средств массовой информации.

МАСКУЛИНИЗМ — доминирующая форма маскулинности (мужественности). Стиль жизни, в основе которого лежит идея о главенстве всего мужского и подчиненности ему женского.

МЕНТАЛЬНОСТЬ, МЕНТАЛИТЕТ - глубинный уровень коллективного и индивидуального сознания, включающий и бессознательные акты. М. формируется в недрах культуры, традиций, социальных институтов, среды обитания человека и

представляет собой совокупность психологических, поведенческих установок индивида или социальной группы. М. объединяет ценностные формы сознания (философию, религию, мораль и др.) с миром бессознательных психических состояний, определяя тем самым целостный образ жизни человека. Различают детскую, национальную, тоталитарную, средневековую М. и др.

МЕТАФОРА— оборот речи, заключающий скрытое уподобление, образное сближение слов на базе их переносного значения; ее можно понять только через «структуру чувств». Развитое человеческое чувство позволяет схватить целое раньше его частей.

МИФОЛОГИЯ — форма общественного сознания, изображения природы, всего мира как населенных живыми существами, способными совершать магические, чудесные и фантастические действия.

МИФЫ — архаические повествования о деяниях богов и героев, об управляющих миром богах и духах. М. подразделялись на этнологические и космологические (описания творения мира, происхождения людей и животных), календарные (рассказы об умирающих — воскресающих богах и героях), эсхатологические (описания грядущей гибели космоса).

МОДЕРНИЗМ, МОДЕРН — направление в изобразительном, прикладном искусстве и архитектуре конца XIX-начала XX в., противопоставлявшее себя искусству прошлого. Художественно-эстетическая система, сложившаяся в 20-х гг. XX в., объединяющая множество идейно-художественных направлений (экспрессионизм, кубизм, футуризм, конструктивизм, сюрреализм, абстракционизм и др.), отошедших от традиций внешнего подобия и утверждающих новый подход к изображению социального бытия. М. открыл и освоил многие новые художественные средства (поток сознания, коллаж, ассоциативный монтаж и др.), оказавшие существенное влияние на последующее развитие эстетики.

НООСФЕРА — новое эволюционное состояние биосферы, при котором разумная деятельность человека становится решающим фактором ее развития. В.И. Вернадский развил

представление о Н. как качественно новой форме организованности, возникающей при взаимодействии природы и общества. Для Н. характерна взаимосвязь законов природы с законами мышления и с социально-экономическими законами. Эти законы воплощаются в человеческой деятельности как определяющем факторе развития, сопоставимы по силе воздействия на природные процессы с геологическими катаклизмами. Близкие по содержанию понятия — техносфера, антропосфера, социосфера.

ОБРАЗ ЖИЗНИ — философско-социологическая категория, отражающая совокупность типичных видов жизнедеятельности индивида, социальной группы или общества в единстве с условиями жизни (труд, быт, общественная деятельность). О.Ж. формируется под воздействием природных, социально-экономических и культурных условий и реализуется в процессе социально-преобразующей и социокультурной (творческой) деятельности людей.

ПАРАДИГМА — совокупность теоретических и методологических предпосылок, определяющих конкретное научное исследование, являющаяся моделью, образцом постановки и решения исследовательских задач. Признанное всеми научное достижение, которое в течение определенного времени дает научному сообществу модель постановки проблем и их решений.

ПОСТМОДЕРНИЗМ — совокупное обозначение тенденций в культурном самосознании стран Запада, появившихся с конца 60-х гг. XX в. П. связан с осмыслением того обстоятельства, что предмет противится человеческому воздействию, отвечая на него противодействием. В культурно-эстетическом плане П. выступает как освоение опыта художественного авангарда, при этом П.

полностью стирает грань между прежде самостоятельными сферами духовной культуры и уровнями сознания — между научным и обыденным сознанием, высоким искусством и китчем. П. окончательно закрепляет переход от «произведения» к «конструкции», выражая изменение места культуры в обществе. П. ориентирует эстетическую активность «творчества» на компиляцию и цитирование.

РЕФЛЕКСИЯ — осмысление собственных переживаний.

САМОРЕФЕРЕНТНОСТЬ - способность опираться на собственные творческие силы в выработке инструментов самопознания и механизмов адаптационной самоорганизации.

СИНХРОНИЯ — 1) точное совпадение во времени двух или нескольких явлений или процессов; одновременность; 2) состояние и изучение языка (или какой-либо другой системы знаков) с точки зрения соотношений между его составными частями, существующими в один период времени.

СОЦИУМ — большая устойчивая социальная общность, характеризующаяся единством условий жизнедеятельности людей в каких-то существенных отношениях и вследствие этого общностью культуры. Высшая форма С. — общество как целостная социальная система. Разновидностями С. являются родовые, социально-классовые, национально-этнические и территориальные общности. Единство С. основывается на социальных нормах, закрепленных юридически, или моральных установках. В социологии понятие «С.» используется для характеристики социально-культурной целостности, особенностей воздействия общности на развитие личности.

СТИЛЬ ЖИЗНИ — понятие, отражающее тип поведения личности или группы людей и фиксирующее устойчиво воспроизводящиеся черты, манеры, привычки, вкусы, склонности.

СТРУКТУРАЛИЗМ — научное направление в гуманитарном знании, возникшее в 20-х гг. XX в. Возникновение С. связано с переходом ряда гуманитарных наук от преимущественно описательно-эмпирического к абстрактно-теоретическому уровню исследования. Основу структурного метода образует выявление структуры как совокупности отношений, инвариантных при некоторых преобразованиях. Так формируется методологический примат отношений между элементами системы над свойствами и особенностями этих элементов. В С. культура воспринимается как совокупность знаковых систем, важнейшая из которых — язык. Кроме языка в них входят наука, искусство, мода, религия и т.д. На этих объектах С. обнаруживает скрытые закономерности, которым бессознательно подчиняется человек. Таким закономерностям соответствуют глубинные пласты культуры («эпистема», «дискурсивные формации», «ментальные структуры» и т.д.). Неограниченность применения структурного анализа аргументируется приверженцами С. тем, что всякий продукт культуры опосредован разумом, а сам структурный анализ — это анализ духа, воплощенного в культуре.

СЦИЕНТИЗМ — мировоззренческая позиция, в основе которой лежит представление о научном знании как наивысшей культурной ценности и исчерпывающем условии утверждения человека в мире. С. ориентируется преимущественно на методологию и результаты естественнонаучного знания и тем самым оставляет за наукой право и признает ее способность решать все социальные проблемы. С. утвердился в культуре в конце XIX в., породив противоположную мировоззренческую ориентацию — антисциентизм. Последний подчеркивает ограниченность возможностей науки, толкует ее как враждебную человеческой природе силу и требует уравнивать науку с другими ценностными формами общественного сознания — религией, моралью, искусством.

УНИВЕРСАЛИЗАЦИЯ - высшая форма интеграции. **УНИВЕРСАЛЬНОСТИ ПРИНЦИПЫ**: П. всеединства — принцип всеобщей связанности, взаимозависимости и взаимоотражения частей универсума.

П. автономности — конкретизирует бесконечность универсума через разнородность, несводимость, уникальность, относительную неразрывность его частей, связей, процессов.

П. динамического (колебательного) равновесия — противоположные элементы, стороны, силы, тенденции универсума уравниваются, взаимно ограничивая силу и сферу своего влияния и обеспечивая устойчивость и гармонию его качеств.

П. достаточной неопределенности — отвергает абсолютную определенность и «строгость» теоретических построений.

УНИВЕРСУМ — философский термин, обозначающий всю объективную реальность во времени и в пространстве. В зависимости от того, что подразумевается под «всей реальностью», понятия «мир» и «У.» могут не совпадать. В современном научном мышлении понятие «У.» все чаще приобретает смысл фиксированной системы (или систем) объектов, к которой относятся утверждения (высказывания) какой-либо теории.

ФОНОЛОГИЯ — лингвистическая дисциплина, созданная русским языковедом Н.С. Трубецким. Он различал фонетику — науку о звуках речи как материальном явлении, и фонологию — учение о звуке языка, выполняющем смысловоразличительную функцию.

ФРАЗА — языковое явление другого порядка, нежели предложение: она имеет собственную звуковую структуру, которая заключена в интонации. Интонация образует фразу.

ЦИВИЛИЗАЦИЯ — 1) синоним культуры, в узком смысле — материальной культуры; 2) уровень, ступень развития материальной и духовной культуры (античная Ц., христианская Ц., современная Ц.); 3) этап человеческого развития, следующий за дикостью, варварством (Л. Морган, Ф. Энгельс). Понятие «Ц.» появилось в XVIII в. в тесной связи с понятием «культура». Ц. характеризуется способом и уровнем овладения силами природы, а культура возникает в результате овладения человеком своей собственной природой. Воспроизводство рабочей силы, увеличение свободного времени — это признаки Ц., а воспроизводство личностных структур человека посредством воспитания, образования — это уже признак повседневной культуры, ее традиций, норм и ценностей.

ЭКСПЛИКАЦИЯ — процесс развертывания, в результате которого раскрывается содержание какого-либо единства, а его части получают самостоятельность и могут быть отличены друг от друга.

ЭМЕРДЖЕНТНОСТЬ — возникновение, появление нового. Э. означает принципиальную несводимость свойств системы к сумме свойств составляющих ее частей. Обусловленность свойств целого свойствами частей проявляется не непосредственно, а через связи.

ЭМПАТИЯ — восприятие внутреннего мира другого человека как целостного, с сохранением эмоциональных и смысловых оттенков, сопереживание его душевной жизни.

ЭПИСТЕМОЛОГИЯ — раздел философии, в котором изучаются проблемы природы познания, отношения знания к реальности, выявляются условия истинности.

ЭСТЕТИЧЕСКОЕ — исходная категория эстетики. До XVIII в. категория «Э.» заменялась понятием прекрасного, зачастую и сейчас эти понятия отождествляются. Основатель эстетики как самостоятельной философской дисциплины А. Баумгартен определял Э. как способность чувственного познания, которое достигает совершенства в искусстве. В свою очередь, красота и есть, по Баумгартену, «совершенство чувственного познания», т.е. совершенство ощущений, эмоций, памяти, интуиции, остроумия, воображения.
